

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Мареева Светлана Владимировна

*Монетарные и немонетарные неравенства и их восприятие
населением в современном российском обществе*

РЕЗЮМЕ ДИССЕРТАЦИИ
на соискание ученой степени доктора социологических наук

Научный консультант:
д.с.н. Н.Е. Тихонова

Москва – 2024

Актуальность темы исследования и постановка проблемы

Неравенство сегодня признается одним из ключевых глобальных вызовов для устойчивого социально-экономического развития. Обсуждение оснований, проявлений, последствий и динамики неравенства находится в фокусе дискуссий о возможных векторах социально-экономического развития, как глобальных, так и страновых. Интерес к этой теме не снижается в силу трансформаций обществ, требующих переосмысления типов, причин и роли неравенств в современном мире, в то время как экспертное сообщество и политики концентрируются на глобальных и страновых мерах по управлению неравенством. Задача снижения уровня неравенства внутри стран и между ними вошла в Цели ООН в области устойчивого развития. Два последних всплеска интереса к проблеме социально-экономического неравенства, обусловленные глобальным экономическим кризисом 2008-2009 гг. и коронакризисом, сфокусировали исследовательскую повестку на многомерности неравенства, его немонетарных и субъективных аспектах, а также на оценке результативности мер политики, направленной на его сокращение. Вызовы текущего момента, существенно увеличивающие неопределённость глобальных условий развития, повышают актуальность исследований в этой области, особенно с учетом того, что негативные последствия неравенства не ограничиваются экономической сферой и проявляются одновременно на нескольких уровнях – индивидуальном, межличностном и уровне общества в целом [Wilkinson, Pickett, 2010].

Экономисты работают, прежде всего, с монетарными измерениями неравенства, которые включают неравенства как доходов, так и богатства, и в наиболее значимых публикациях по этой теме отмечают тенденцию их роста, предполагая дальнейшее углубление неравенства в будущем [Миланович, 2017; Пикетти, 2015; Стиглиц, 2015; Atkinson, 2015]. Ряд международных организаций также постоянно работает как со статистическими данными о неравенстве доходов в странах мира (Всемирный банк, Люксембургское исследование доходов и др.), так и с оценками концентрации доходов и богатства (Всемирная база данных о неравенстве, доклады Credit Suisse и др.); целый ряд крупных докладов международных организаций и конференций в последние годы был тематически сфокусирован именно на проблемах мирового неравенства в его монетарном измерении – его масштабах, различиях между странами, тенденциях изменений, негативных последствиях и разработке рекомендаций по управлению им [World Bank, 2016; EBRD, 2017; Hardoon et al., 2016].

Социологи чаще рассматривают немонетарные неравенства и обращают внимание на появление их новых форм при сохранении старых: к материальным и властным неравенствам (в т.ч. в производственных отношениях) добавляются неравенства в культурных, социальных, гражданских, символических ресурсах, человеческом капитале и пр. [Grusky, 2011]. Список немонетарных неравенств непрерывно расширяется – так, например, пандемия способствовала осознанию значимости ряда неравенств, связанных с проблемами личной безопасности. Немонетарные измерения неравенства все чаще попадают и в фокус управленческой повестки, формирующей ответы на ключевые вызовы.

Актуализировались и исследования субъективного восприятия неравенства населением, поскольку его специфика может генерировать или сдерживать социальную напряженность, формировать запрос со стороны населения в отношении содержания общественного договора с государством, влиять на поведенческие стратегии населения на

микроуровне. Оценки неравенства населением как излишне высокого, имеющего несправедливые основания и в целом не соответствующего «идеальной» общественной модели, могут иметь важные социальные последствия – продуцировать социальную напряженность, создавать основания для делегитимизации власти в глазах населения, стимулировать непродуктивное поведение на микроуровне. С другой стороны, восприятие неравенства как меритократического может выступать ресурсом для экономического развития и стимулом для инвестиций населения в человеческий капитал. Субъективное восприятие неравенств можно рассматривать как часть более широкой дискуссии о справедливости [Штомпка, 2017] и необходимости учета субъективных представлений населения при оценке общественного благосостояния и определении приоритетов развития [Стиглиц и др., 2016].

Неравенство представляет собой один из ключевых вызовов и для устойчивого развития России, особенно в условиях роста неопределенности будущего. Возможности ответа на вызовы, связанные с неравенством, требуют комплексного подхода к его определению, измерению и формулировке целей, которых необходимо добиться. Необходимо понимание конфигурации сложившегося многомерного пространства неравенства, в том числе – в международном контексте и в динамике. Характеристика этого пространства, выделение его основных осей, в том числе новых, выявление групп, занимающих в нем относительно благополучное и неблагополучное положение, оценка их состава, устойчивости и динамики в совокупности позволят внести вклад в понимание социальной структуры современной России и возможные перспективы ее дальнейшей трансформации. Понимание особенностей социально-экономического неравенства в российском обществе важно также для разработки эффективной социально-экономической политики, направленной на поддержку населения в условиях новой турбулентности, и для определения возможных рамок формирования нового общественного договора между государством и населением.

Проблема неравенства часто рассматривается в связке с проблемой бедности [World Bank, 2016], в том числе и в отношении ситуации в России, хотя, безусловно, несводима к ней. Снижение уровня бедности не означает автоматического сокращения неравенства, хотя может внести в него свой вклад за счет сближения положения низших и нижних средних слоев населения. Однако и в обсуждениях этого аспекта неравенства существует ряд дискуссионных моментов, требующих более пристального рассмотрения – от расположения границы между этими группами до качественных особенностей подгруппы неблагополучного населения, не связанных лишь с более низким уровнем их доходов, и требующих, соответственно, не только монетарных мер для решения этой проблемы. Как и в случае с неравенством в целом, помимо анализа объективной ситуации с бедностью в фокус внимания должно попадать и субъективное восприятие бедности населением, т.к. его особенности будут определять готовность населения поддерживать тот или иной вектор мер социальной политики, направленных на ее сокращение.

Таким образом, выявление, измерение и оценка, во-первых, характера, во-вторых, динамики сложившейся в стране системы монетарных и немонетарных неравенств, и в-третьих, изменений в их субъективном восприятии населением имеют принципиальное значение в условиях новой турбулентности, определяя существующие возможности и ограничения для устойчивости российского общества. Для решения этих вопросов недостаточно данных о динамике неравенства, представленной традиционными статистическими показателями – важно понимать, как выглядит конфигурация разных типов

неравенств, как они отражаются в социальной структуре российского общества (в частности - какие группы сформированы на их основе и в чем их специфика по отношению друг к другу, каковы особенности их состава, степень устойчивости и динамика), как они воспринимаются общественным сознанием и что это означает для российского общества в целом.

Ключевым **исследовательским вопросом**, на решение которого направлено диссертационное исследование, выступает, таким образом, выявление особенностей и динамики монетарных и немонетарных неравенств, а также их восприятия населением в современной России.

Степень разработанности проблемы

Тематика неравенства очень обширна и представлена далеко не только в исследованиях экономического и социологического характера. В научной литературе можно выделить несколько ключевых направлений, в рамках которых проводятся исследования неравенства и его восприятия населением и которые в наибольшей степени релевантны для данного диссертационного исследования.

Оценкам *монетарного неравенства* и его динамики на макроуровне в глобальном сравнительном контексте посвящены получившие всемирную известность работы ведущих экономистов [Миланович, 2017; Пикетти, 2015; Стиглиц, 2015; Atkinson, 2015]; их результаты свидетельствуют об обострении этой проблемы в мировом масштабе в XXI веке. Крупной проблемой, над которой также работают экономисты, является взаимосвязь неравенства и экономического роста. Подобный анализ проводится обычно на данных макроуровня [Alesina, Perotti, 1996; Deininger, Squire, 1998; Forbes, 2000; Persson, Tabellini, 1994]. Однако результаты современных работ в этом направлении неоднозначны и говорят скорее о различном направлении и степени этого влияния в зависимости от конкретных социально-экономических условий: глубины неравенства, темпов развития стран, его ключевых факторов и т.п., чем об универсальной корреляции [Barro, 2000; Galor, Moav, 2004], а также о различных эффектах в разных частях доходного распределения [Van der Weide, Milanovic, 2014; Voitchovsky, 2005]

Неравенство возможностей также попадает в фокус экономических оценок. Типичный метод его измерения в экономических исследованиях – это оценка роли обстоятельств рождения (пол, этническая принадлежность, место рождения, характеристики родительской семьи) в общем доходном неравенстве [EBRD, 2017]. Иными словами, неравенство возможностей рассматривается как одна из составляющих неравенства результатов (в качестве которого выступает обычно неравенство дохода), и оценивается не только как несправедливое, но и неэффективное. Выдвигается предположение, что именно учёт неравенства возможностей может определять характер зависимости между неравенством и экономическим ростом: высокое неравенство возможностей формирует негативную зависимость между неравенством доходов и экономическим ростом, в то время как низкое неравенство возможностей приводит к отсутствию корреляции между ними [Aiyar, Ebeke, 2020].

Большой вклад в анализ доходной стратификации – выделения на основании неравенства доходов групп, качественно различающихся между собой не только уровнем доходов, но и другими ключевыми особенностями – вносят работы исследователей Всемирного банка и других: в литературе представлены методики в рамках абсолютного

[Chen, Ravallion, 2010; Kharas, 2010; Milanovic, Yitzhaki, 2002; Ravallion, 2010; World Bank, 2014; World Bank, 2015] и относительных подходов [Alesina, Perotti, 1996; Atkinson, Brandolini, 2011; Barro, 2000; Birdsall et al., 2000; Chauvel, 2013; Dallinger, 2013; Easterly, 2001]. Часть из них фокусируются на неравенстве в определенных частях доходного распределения – например, в нижней его части (среди прочего, в таких работах отмечается негативный разворот в борьбе с бедностью, произошедший в последние годы [World Bank, 2016; World Bank, 2020]), или в средней части (так, исследование ОЭСР прицельно рассматривает средний класс в его экономическом понимании и отмечает тенденции его сокращения, обеднения, снижения устойчивости и степени экономического влияния [OECD, 2019]).

Отдельное направление исследований в русле доходной стратификации – это анализ бедности в рамках абсолютного или относительного монетарного подхода к ее определению, представленное как в страновых, так и международных исследованиях [Chen, Ravallion, 2007; Foster, 1998; Garroway, De Laiglesia, 2012; Ravallion, Chen, 2011; Ravallion et al., 1991; Rowntree, 1901]; используется и субъективная монетарная линия бедности [Colasanto et al., 1984; Goedhart et al., 1977]. Параллельно активно развивается и традиция немонетарных подходов к определению бедности, основой для которых выступают различные оси немонетарного неравенства.

В фокусе внимания в рамках анализа распределения доходов и богатства оказывается и полярная группа – группа сверхбогатых. В рамках экономических исследований проблема сверхбогатства рассматривается через призму концентрации доходов и/или богатства и ее динамики, в т.ч. в контексте международных сравнений [Boston consulting group, 2021; Capgemini research group, 2022; Credit Suisse, 2022]. Представлены работы, в которых предлагаются модели, оценивающие роль различных институциональных условий для формирования больших состояний или предсказывающие количество миллиардеров в зависимости от других экономических показателей [Neumayer, 2004]. Несколько работ посвящены сверхбогатству в России и его динамике, а также составу и степени неоднородности этой группы [Braguinsky, 2009; Guriev, Rachinsky, 2005; Novokmet et al., 2018; Treisman, 2016]. В исследованиях сверхбогатых, носящих социологический характер, ставятся вопросы о структуре группы, мобильности ее состава, социальном происхождении, межпоколенческих механизмах передачи социального статуса и пр. Это направление анализа носит в основном внутрискановый характер [Hjellbrekke и др., 2007; Kuusela, 2018; Lu, 2017; Lu et al., 2021; Savage, Hjellbrekke, 2021]. Для российского общества это направление исследований также представлено несколькими работами по выделяемым различным образом группам сверхбогатых и бизнес-элиты [Агафонов, Лепеле, 2016; Крыштановская, 2002; Schimpfössl, 2018].

Исследование *немонетарных измерений неравенства* требует обращения, в первую очередь, к социологическим работам. Основы анализа социального неравенства в обществе берут начало от работ классиков социологической мысли - К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма. В современных обществах вопросы оснований и проявлений неравенства нашли свое отражение в работах ряда известных социологов [Бек, 2000; Кастельс, 2022; Blau, 1977; Grusky, 2011; Sorensen, 2000]. Наиболее известные модели социальной структуры современных обществ, основанные на ключевых осях неравенства в обществах, разрабатываются в традициях неомарксизма [Wright, 1997; Wright, 2005; Wright, 2009] и неовеберизма [Erikson, Goldthorpe, 1992; Goldthorpe, 2000; Goldthorpe et al., 1980]; также

предлагаются и альтернативные подходы, основанные на концепции множества профессиональных классов [Grusky, Weeden, 2001] или выделении латентных классов [Savage et al., 2013]. Представлены немонетарные подходы к оценкам уровня и качества жизни, отражающим положение индивидов в многомерных системах неравенства, в т.ч. через их возможности [Nussbaum, 2002; Sen, 1980; Townsend, 1962]. Разнообразные последствия неравенства также зафиксированы в ряде работ [Wilkinson, Pickett, 2010].

Концепция жизненных шансов, также напрямую связанная с немонетарным неравенством, берет свое начало в работах М. Вебера [Weber, 1978], рассматривавшего их как основания для выделения классов. Эта концепция получила дальнейшее развитие в неовеберианской традиции. Жизненные шансы рассматриваются в ней в широком их понимании: как шансы на качественную жизнь в целом ряде сфер, несводимых только к экономическим условиям жизни и потреблению. Это приводит к разнообразию трактовок этого понятия и их операционализации [Dahrendorf, 1979; Duncan et al., 1998; Eitzen, Zinn, 1989; Erikson, Goldthorpe, 1992; Giddens, 1973; Mayer, 1997; Waldfogel, 2004].

К исследованиям немонетарных измерений неравенства или их совместного эффекта с монетарными можно отнести и анализ отдельных групп в общей социальной структуре общества – в частности, неблагополучных или бедных, выделенных в рамках немонетарных подходов на основании многомерной депривации [Nolan, Whelan, 2011; Townsend, 1962; Townsend, 1979]. Основанием для выделения этих групп также служат ключевые оси неравенства в конкретных обществах, а анализ специфики их состава и положения позволяет увидеть особенности проявлений различных измерений неравенства.

Тематика мобильности выступает отдельным обширным предметным полем. Однако нельзя не упомянуть ее и в связке с исследованиями неравенства. Анализ социальной мобильности в этом контексте позволяет дополнить статическую картину неравенства и обусловленной им социальной структуры общества динамическим аспектом, включив в рассмотрение не только конфигурацию сложившихся структурных позиций и различия между ними, но и перемещения индивидов между этими позициями [Shorrocks, 1978]. Это перемещение рассматривается как в пространстве позиций, выделенных по уровню дохода [Fields, Ok, 1999; Jäntti, Jenkins, 2015; OECD, 2018], так и между структурными позициями, заданными другими осями неравенства [Goldthorpe, Llewellyn, Payne, 1980]. Масштабы межгенерационной мобильности по доходам используются в качестве показателя неравенства возможностей [Aiyar, Ebeke, 2020]. Отдельно можно выделить исследовательское направление, связанное с оценками влияния социальной мобильности на субъективное восприятие неравенства в рамках гипотезы «туннельного эффекта» и гипотезы восходящей мобильности [Гимпельсон, Монусова, 2014; Venabou, Ok, 2001; Graham, Pettinato, 2002; Hirschman, Rothschild, 1973; Larsen, 2016].

Субъективные представления населения о неравенстве активно изучаются на предмет их соответствия объективным показателям. В литературе показано, что население склонно ошибаться в оценках глубины объективного монетарного неравенства (как по доходам, так и по богатству), а также своих позиций в системе неравенства [Chambers et al., 2014; Hauser, Norton, 2017; Norton, Ariely, 2011]. Межстрановые исследования, направленные на оценку взаимосвязи между фактическим и воспринимаемым неравенством, говорят об отсутствии такой связи или о ее средней силе [Gimpelson, Treisman, 2018; Niehues, 2014]. Предложена теоретическая рамка, в которой представления о доходном неравенстве и степень переоценки

или недооценки своего положения в обществе меняются по мере изменения положения в доходном распределении [Knell, Stix, 2020], что еще раз подчеркивает дифференциацию эффектов в группах, занимающих различное положение по тем или иным осям неравенства.

При этом в ряде работ было показано, что именно субъективные оценки выступают основанием для социальных действий и выбора поведенческих стратегий населения на микроуровне – они связаны с уровнем доверия, значимостью социальных сравнений, политическими предпочтениями и запросами на перераспределительную политику, долгосрочным планированием и пр. [Alesina, La Ferrara, 2005; Bak, Yi, 2020; Engelhardt, Wagener, 2014; Loveless, 2013; Sprong et al., 2019]. Объективное неравенство, как показано в некоторых работах, оказывает при этом лишь косвенное влияние на установки населения относительно неравенства и запросов к государству в его отношении, определяя субъективное восприятие его масштабов [Bussolo et al., 2021; Kuhn, 2020], хотя в других работах демонстрируется важность учета в том числе и объективных оценок доходного распределения [Weisstanner, Armingeon, 2022]. Отдельным сюжетом выступает толерантность населения к неравенству в зависимости от оценки его легитимности и степени меритократичности его оснований [Cojocaru, 2014; Hadler, 2005; Kelley, Zagorski, 2004; Larsen, 2016; Roex et al., 2019].

Обсуждение степени остроты, факторов и последствий объективно существующего неравенства активно ведётся и в российской научной среде, причём с разных сторон с этой проблематикой работают и экономисты, и социологи [Аникин, Тихонова, 2016; Капелюшников, 2017; Козырева, Смирнов, 2018; Овчарова и др., 2016]. Комплексный анализ социального неравенства и социального расслоения в России представлен в работах коллектива под руководством О.И. Шкаратана [Шкаратан, 2009; Шкаратан, 2012]. Неравенство возможностей как часть неравенства доходов также оценивается в ряде работ [Ибрагимов, Франц, 2019; Малева и др., 2022]. Однако нужно отметить, что в последние годы внимание исследователей в большей степени привлекали отдельные группы в составе российского общества, а не социальная структура в целом, за исключением работ научного коллектива под руководством Н.Е.Тихоновой [Тихонова и др., 2018; Тихонова и др., 2022] и некоторых отдельных публикаций [Соколов, Соколова, 2020; Шкаратан, Ястребов, 2007]. Особое внимание при этом получила бедность [Аникин, Тихонова, 2016; Зубаревич, 2019; Карабчук и др., 2013; Малева и др., 2020; Малева и др., 2019; Овчарова, 2001; Овчарова, 2008; Пишняк и др., 2021; Слободенюк, Аникин, 2018; Тихонова, Слободенюк, 2014; Тихонова, Слободенюк, 2022; Аваноква, Dang, 2021] и средний класс [Авраамова, Малева, 2014; Беяева, 2007; Средний класс..., 2008; Григорьев и др., 2009; Малева и др., 2015; Средние классы..., 2003; Пишняк, 2020; Тихонова, 2020; Тихонова, Мареева, 2009; Хахулина, 2008]. Можно отметить, что и в отношении бедности, и в отношении среднего класса исследователями была неоднократно продемонстрирована неконсистентность статусов их представителей в иерархиях доходного измерения неравенства и других его измерений (социально-профессиональных, образовательных и пр.); представлены и отдельные работы, посвященные этой проблеме [Коленникова, 2019; Саблина, 2000].

Вопросам оценки социальной мобильности в России в срезе перемещения индивидов между структурными позициями посвящены работы как отдельных исследователей, так и научных коллективов [Социальная мобильность..., 2017; Социальная мобильность..., 2019; Ястребов, 2014; Ястребов, 2016; Gerber, Hout, 2004]. Предыдущие исследования доходной мобильности в России в основном охватывали временные интервалы 1990-х и начала 2000-х

годов [Bogomolova, Tapilina, 1999; Jovanovic, 2001; Lukiyanova, Oshchepkov, 2012] и демонстрировали стабильно высокие её масштабы в период постсоветского развития страны; более новые оценки мобильности только начинают появляться [Dang et al., 2020]. Отдельно стоит отметить работу, посвященную оценке влияния социальной мобильности на восприятие неравенства россиянами в 1990х гг. [Ravallion, Lokshin, 2000], показавшую влияние ожиданий относительно изменения собственного положения в будущем на запросы в отношении политики перераспределения, особенно среди наиболее благополучного по доходам населения. Нужно отметить и работы в рамках концепции устойчивости, которые также рассматривают динамику положения российского населения по оси доходов [Воронин и др., 2020].

Сравнительно меньше внимания пока уделяется вопросу восприятия неравенства населением и представлениям населения о социальной структуре общества, хотя некоторые работы в этой области есть [Косова, 2016; Мареева, Тихонова, 2016]. Отдельно нужно упомянуть и ряд работ о восприятии населением страны социальной справедливости, тесно связанной с оценками неравенства [Андреевкова, 2017; Данилова, 2015; Римский, 2013].

В целом, в научной литературе представлен очень широкий спектр работ, посвященных проблематике неравенства или затрагивающих ее отдельные аспекты. Несмотря на это, вопросы как теоретического осмысления, так и эмпирического изучения моделей неравенства остаются открытыми; более того, быстрое изменение социально-экономических реалий ставит новые вопросы об их конфигурации, особенностях и перспективах изменения. В данном диссертационном исследовании предпринята попытка получить комплексную картину социально-экономического неравенства в российском обществе, включая монетарные и немонетарные его измерения, определив общее и различное в их специфике, а также выявить особенности субъективного восприятия неравенства населением.

Цель и задачи исследования

Цель исследования – выявление специфики и оценка динамики монетарных и немонетарных неравенств и их восприятия населением в современном российском обществе.

Для достижения поставленной цели в ходе исследования были решены следующие *задачи*:

В отношении монетарных неравенств:

- 1) Выявление особенностей монетарного неравенства в России и определение ее положения на фоне других стран через призму абсолютного и относительного подходов к анализу неравенства доходов и неравенства богатства.
- 2) Характеристика модели доходной стратификации российского общества и ее динамики.
- 3) Оценка масштабов доходной мобильности в российском обществе, численности и состава полярных немобильных по доходам групп («липкого пола» и «липкого потолка»), а также устойчивости и состава группы сверхбогатых россиян как полярной группы в иерархии неравенства по богатству.

В отношении немонетарных неравенств:

4) Характеристика системы немонетарных неравенств с помощью различных методик: построение модели социальной стратификации по основаниям жизненных шансов и рисков в ключевых сферах жизни; выделение зон благополучия и неблагополучия на основании самооценок населением своего положения по различным осям немонетарных неравенств, оценка степени концентрации различных жизненных возможностей.

5) Оценка динамики модели стратификации на основании немонетарных неравенств и её сопоставление с моделью доходной стратификации.

6) Анализ проявлений новых видов немонетарных неравенств, связанных с социально-психологическим самочувствием (субъективная социальная динамика, баланс жизни и труда, внутренняя автономность и пр.), в частности - оценка численности и состава групп с устойчиво низкими и высокими субъективными оценками своего положения в обществе.

В отношении субъективного восприятия неравенства населением:

7) Выявление специфики восприятия неравенства населением и его динамики, оценка степени его дифференциации.

8) Анализ взаимосвязи социальной мобильности и восприятия неравенства населением страны.

9) Оценка взаимосвязи между представлениями россиян о неравенстве и их инвестициями в человеческий капитал.

Обобщение полученных результатов

10) Общая характеристика системы монетарных и немонетарных неравенств и сформированной на их основе социальной структуры российского общества, а также субъективного восприятия неравенства населением с точки зрения их влияния на социальную устойчивость российского общества и возможности для развития страны.

Диссертационное исследование представлено как совокупность научных статей, объединённых общей рамкой исследования и теоретико-методологическими подходами, результаты которых позволяют решить поставленные задачи.

Методология исследования

Ключевой теоретико-методологической рамкой исследования выступил неовеберовский подход, предполагающий многомерность социального неравенства, а следовательно, критериев стратификации. Ведущая роль в нём отводится социально-экономическим критериям, которые, с одной стороны, обусловлены ситуацией на рынке труда и в сфере потребления, а с другой – определяют связанные с этим возможности человека в других сферах жизни, включая его статусные характеристики и социальное самочувствие.

Концепция многомерной стратификации получила широкое развитие в работах социологов и допускает сегодня многообразие своих трактовок, отражающееся как в выборе ключевых осей неравенства, используемых при анализе, так и способах их операционализации [Goldthorpe, 2000; Savage et al., 2013]. В ходе анализа мы также обращались к разным версиям многомерной стратификации в зависимости от конкретных

задач. В исследовании мы использовали ее, прежде всего, для анализа конфигурации немонетарного неравенства, выделяя социальные группы, находящиеся в схожей ситуации по своим жизненным возможностям и рискам в ключевых доменах повседневной жизни. В этой модели ключевую роль играют веберовская идея о значимости жизненных шансов [Weber, 1978], а также предложенные им понятия «положительной» и «негативной» привилегированности. Мы использовали их, хотя и не следуя прямо веберовской концепции, а скорее просто отталкиваясь от этих идей и понятий, для определения расширенных или суженных по отношению к типичным для данного общества возможностей и рисков у индивидов, на основании чего выделяли далее крупные страты в массовых слоях населения. При выборе основных осей многомерного пространства неравенств мы опирались, в том числе, на широкую традицию изучения немонетарных деприваций в рамках относительного подхода к анализу бедности [Mack, Lansley, 1985; Nolan, Whelan, 2011; Townsend, 1962], а также на многомерные подходы к анализу качества жизни населения в целом [Стиглиц, 2015; Nussbaum, 2002; Sen, 1980].

Особая роль в анализе отводилась социально-экономическим неравенствам, хотя исследование не сводилось исключительно к ним. Затрагивались, в частности, вопросы, связанные с неравенством в неэкономических доменах – социального самочувствия, субъективных самооценок своего положения, представлений о доступных и недоступных жизненных возможностях и пр.

При анализе доходного неравенства мы опирались на модель одномерной стратификации, сконструированную в рамках относительного подхода. В этом подходе при определении границ доходных групп отправной точкой выступает доходное распределение, характеризующее конкретное общество в данный момент времени. В ходе исследования использовались как уже имеющиеся разработки в этой области, представленные, прежде всего, в экономических публикациях [Alesina, Perotti, 1996; Atkinson, Brandolini, 2011; Barro, 2000; Chauvel, 2013; Dallinger, 2013; Easterly, 2001], так и результаты эмпирических проверок соответствия предложенных в литературе границ современным российским реалиями; в рамках этого же направления анализа проводилось и сравнение численности и состава групп бедных, выделенных с помощью различных относительных линий. В ходе исследования были протестированы также различные версии абсолютного подхода [Chen, Ravallion, 2007; Ravallion et al., 1991], однако анализ показал, что его эвристический потенциал оказывается для современного российского общества более ограниченным, чем у относительного подхода.

В силу выбранных для анализа измерений неравенства, специфики поставленных задач, а также доступных массивов эмпирических данных, единицей анализа выступали индивиды, хотя при этом учитывались и неравенства, затрагивающие их как членов конкретного домохозяйства.

При анализе субъективного положения использовался ряд традиционных методологических и методических подходов, предполагающих как вербальные, так и графические тесты, отражающих как осознанное, так и интуитивно ощущаемое человеком место в статусной иерархии: самооценка своего положения на «лестнице» со ступенями от наиболее низкого до наиболее высокого положения в обществе по различным основаниям, вербальная самооценка различных аспектов своего положения, оценка вероятности достижения тех или иных жизненных целей и др.

Анализ субъективного отношения населения страны к неравенству был реализован в контексте его трактовки как элемента нормативно-ценностных систем в целом и его взаимосвязи с представлениями о справедливости. Методически это обеспечивалось с помощью ряда вопросов, направленных на выявление представлений индивидов о масштабах неравенств, степени их справедливости, их основаниях (в т.ч. через субъективные оценки факторов бедности и благополучия), о реальном и желаемом типе социальной структуры общества в целом и др.

Эмпирическую базу диссертационного исследования составили данные общероссийских социологических исследований, проведенных в разные годы Институтом социологии ФНИСЦ РАН, а также данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ). Использовались также данные сравнительного международного исследования ISSP (International Social Survey Programme) с дополнительными блоком вопросов, который был включен для российской подвыборки исследования в 2019 г. от Института социальной политики НИУ ВШЭ. Помимо этого, в исследовании использовались данные официальной российской статистики, а также международные базы данных Всемирного банка, Всемирной базы доходов, аналитические данные Credit Suisse и пр. Для анализа группы сверхбогатых россиян использовалась специально собранная для этих целей эмпирическая база данных из открытых источников.

Научная новизна

В диссертационном исследовании впервые выявлена и комплексно охарактеризована общая модель неравенства в современном российском обществе с учётом монетарных и немонетарных его измерений, выявлены долгосрочные тренды ее трансформации, охарактеризовано её отражение в восприятии населения. Полученные результаты вносят вклад в понимание характера социальной структуры современного российского общества.

Представлена систематизация подходов к анализу неравенства в зарубежной и отечественной литературе, в основу которой положено разделение монетарных и немонетарных неравенств. Проведено сопоставление моделей неравенств монетарного и немонетарного характера в российском обществе, показано общее и специфическое в их распределении. Выделены зоны социального благополучия и неблагополучия и определена их специфика, заключающаяся, в том числе, в неглубоком характере зоны неблагополучия и неустойчивости зоны благополучия, а также численном доминировании первой над второй. Результаты анализа динамики моделей позволили выявить тенденцию «усреднения» массовых слоёв общества по доходам и качеству жизни, усиливающую такую характерную особенность конфигурации неравенства, как доминирование в ней срединных групп.

Рассмотрены новые измерения немонетарного неравенства, связанные, в широком понимании, с возможностью реализации желаемой модели жизни. Продемонстрировано, что эти измерения неравенства не сглаживают, а, наоборот, усиливают монетарные и другие немонетарные неравенства.

Впервые проведен анализ мобильности населения по субъективным оценкам своего материального положения. Сопоставление его результатов с полученными оценками объективной доходной мобильности позволило выявить достаточно высокую неустойчивость как объективного положения россиян в иерархии доходного неравенства, так и субъективных

оценок этого положения, а также отсутствие массовых групп с устойчивыми во времени как относительно высокими доходами, так и относительно высокими оценками своего положения.

Предложены объяснения сохраняющегося очень острым восприятия неравенства населением даже в условиях снижения его объективных масштабов в массовых слоях населения. На основании анализа динамики, специфики и дифференциации субъективных представлений населения о неравенстве выявлена ключевая особенность их восприятия, связанная с их формированием прежде всего как части нормативно-ценностной системы и представлений о справедливости, а не оценки индивидуальной ситуации. Показан механизм влияния субъективных представлений о неравенстве на поведение индивидов на микроуровне, связанное с инвестициями в человеческий капитал (в частности – дестимулирующий эффект представлений о факторах неравенства как немеритократических), что может оказать важное влияние на дальнейший вектор развития страны.

Продемонстрировано, что ряд теоретико-методологических подходов (например, линия относительной бедности, установленная на уровне 0,6 медианы) и гипотез (например, гипотеза ожидаемой восходящей мобильности), разработанных в социально-экономических контекстах других обществ, не работают при их прямом переносе на российские условия и требуют корректировок на страновые особенности при их использовании.

В целом, результаты диссертационной работы позволили определить вызовы неравенства для устойчивого развития страны с учётом специфики их проявлений и динамики в условиях современного российского общества.

Научный вклад исследования в развитие предметного поля

Научный вклад исследования заключается в том, что в ходе его реализации систематизированы основные подходы к оценке монетарных и немонетарных неравенств в литературе, проанализировано отражение неравенства в социальной структуре российского общества и в субъективном восприятии населения страны, и на этой основе получена комплексная оценка конфигурации и динамики многомерного неравенства, характеризующего российский социум.

Полученные в ходе диссертационного исследования результаты вносят вклад в понимание специфики современного российского общества с точки зрения распределения в нем «бремени» монетарных и немонетарных неравенств среди населения, отношения к ним россиян и их запроса к государству в этой связи, а также в понимание конфигурации моделей социальной стратификации, в основании построения которых лежат различные измерения многомерного неравенства. Такой анализ позволяет увидеть проблемные точки устойчивости общества – в частности, через особенности соотношения численности, состава, особенностей положения групп, занимающих принципиально различное положение в системе неравенств, а также через особенности восприятия неравенства населением, влияющие не только на социальную напряженность, но и на реальные поведенческие стратегии на микроуровне. В целом, полученные результаты позволяют определить вызовы и возможности для устойчивого развития страны, которые задаются сложившейся конфигурацией системы неравенств.

Положения, выносимые на защиту

1. Общая конфигурация монетарного неравенства в России характеризуется высоким, но не экстремальным, на мировом фоне, неравенством в массовых слоях населения; неглубоким отрывом россиян, находящихся в нижней части доходного распределения, от находящихся в средней части при сравнительно больших различиях между верхней и средней частями доходного распределения; очень большим и растущим разрывом между основной массой населения и «верхушкой» общества по богатству, определяющим специфику России на фоне других стран мира. На фоне дискурса о сокращении «средних слоев» в западных странах, в России численность срединных по доходу групп, наоборот, возрастает в долгосрочной перспективе даже в кризисные периоды. Это происходит не только за счет «подтягивания» в них неблагополучных по доходам россиян, но и за счет сокращения относительно благополучных, по меркам массовых слоев населения, групп по доходам. Более того, российское общество характеризуется отсутствием зоны устойчивого массового благополучия по доходам: группа с относительно высокими, по массовым меркам, доходами активно обновляется даже в среднесрочном периоде. В отличие от этой массовой группы, узкая группа сверхбогатых россиян устойчива во времени и ее состав обновляется достаточно медленно, поэтому её обобщённый портрет и сегодня определяется теми, кто начинал свою трудовую деятельность ещё до реформ. В целом модель доходной стратификации массовых слоёв российского общества выглядит следующим образом: около трети составляют нижние слои, чьи доходы не позволяют поддерживать типичный для среднего россиянина образ жизни; около 40% - средние слои, имеющие типичный для всего населения уровень доходов (медианный) и характеризующиеся относительно скромным стандартом жизни, превышающим, однако, стандарт выживания, а остальных можно отнести к верхней части массовых слоев населения, которые, однако, довольно сильно различаются между собой.
2. Конфигурация немонетарных неравенств с учетом их проявлений в ключевых сферах жизни (экономические условия, занятость, сфера образования и здоровья, сфера потребления и досуга) перекликается с конфигурацией монетарного неравенства по доходам: она характеризуется неглубоким, но достаточно распространенным (объединяющим около пятой части населения) неблагополучием нижнего слоя, для которого лишения и риски в этих сферах доминируют над жизненными возможностями; массовым (объединяющим уже около 2/3 населения) средним слоем, в котором они уравниваются, и наименьшим по численности верхним слоем, более заметно отличающимся по своему положению за счет концентрации возможностей в разных сферах. Схожей в обеих моделях оказывается и сравнительно большая неустойчивость верхнего слоя. Результаты применения других подходов к выделению групп, характеризующихся разным положением в системе немонетарных неравенств (в частности, анализ, основанный на самооценках населением своего положения по различным осям немонетарных неравенств) также демонстрируют сравнительно меньшую численность благополучных групп по сравнению с неблагополучными. При этом отдельные проявления немонетарных неравенств (наличие «подушки безопасности», благоприятных условий занятости, хорошего уровня здоровья и образования и др.) характеризуются высокой степенью концентрации, и характер неравенства во многом определяется качественными

- отличиями тех, кто занимает по этим осям более высокое положение, от остальных. Бремя относительно новых измерений неравенства, связанных, в частности, с возможностями контроля своей жизни, поддержанием баланса жизни и труда и пр., аналогичным образом распределяется среди населения: они накладываются на другие монетарные и немонетарные измерения неравенства и усугубляют их, а не сглаживают.
3. Зона устойчивого во времени массового субъективного благополучия отсутствует в современном российском обществе, и «липкий потолок», выделенный по субъективной оценке населением страны своего материального положения, пропадает уже в среднесрочном периоде. Это означает, что в обществе сегодня нет массовых групп, которые стабильно оценивают свое положение в иерархии доходов как высокое.
  4. Динамика монетарных и немонетарных неравенств, рассматриваемых через призму социальной стратификации, в последние годы схожа по характеру: происходит «усреднение» массовых слоёв населения как по доходам, так и по возможностям и рискам, проявляющееся в расширении срединных групп. Большая часть населения страны оказывается сегодня в очень близких условиях жизни как по уровню доходов, так и по качеству жизни. В результате, российское общество сегодня можно считать обществом массовых средних слоев, но не массового среднего класса в его традиционном социологическом понимании. Социальная база формирования ядра среднего класса с точки зрения положения в системе монетарных и немонетарных неравенств смещена вверх, поэтому динамика «усреднения» населения по типичному для его широких слоёв уровню ставит серьёзные вызовы для расширения и устойчивости среднего класса.
  5. Восприятие неравенства российским населением связано, прежде всего, с общей нормативно-ценностной системой населения, в которой ключевую роль играет концепция социальной справедливости, а не со спецификой индивидуальной ситуации, в том числе текущего уровня благополучия, а также опыта или ожиданий социальной мобильности. Проблема неравенства воспринимается населением страны очень остро - большинство россиян считают характеризующее сегодня российское общество неравенство излишне глубоким и, что более важно, несправедливым, и это представление объединяет представителей всех слоев населения, в том числе занимающих объективно благополучное положение в системе неравенств. Одним из негативных последствий такого восприятия населением неравенства выступает сокращение инвестиций в человеческий капитал на микроуровне.

Результаты исследования

Основные результаты исследования получены по нескольким ключевым направлениям:

– монетарные измерения неравенства: объективная конфигурация доходного неравенства, ее динамика, специфика России на фоне других стран мира, модель доходной стратификации массовых слоев населения, численность и динамика групп в этой модели (с отдельным фокусом на группу бедных по доходам), доходная мобильность населения; устойчивость и состав группы сверхбогатых россиян как полярной группы в иерархии по богатству;

– немонетарные измерения неравенства: объективная конфигурация, специфика социальной стратификации по их проявлениям в ключевых сферах жизни, проблема концентрации жизненных возможностей населения, ее динамика; субъективные оценки положения по различным осям немонетарных неравенств населением; новые немонетарные измерения неравенства (возможность поддерживать баланс жизни и работы, сохранять внутреннюю автономность и ощущение управляемости собственной жизни, устойчивость субъективного благополучия – с выявлением групп, устойчиво оценивающих своё положение как высокое или низкое, и т.д.);

– субъективное восприятие неравенства: оценка глубины и факторов монетарных и немонетарных измерений неравенства населением, дифференциация и динамика этих представлений в разных группах, в т.ч. с разным опытом и ожиданиями мобильности; запрос на определенную модель неравенства как элемент общественного договора с государством; поведенческие последствия субъективного восприятия неравенства.

Ключевые результаты исследования приведены далее в разбивке по данным направлениям. Ряд результатов получен в ходе работы исследовательских коллективов с участием автора и представлен в публикациях, выполненных в соавторстве. Авторский вклад в ходе работы в больших исследовательских коллективах указан отдельно; в работах, выполненных с участием одного или двух соавторов, авторский вклад заключался в концептуализации целей и задач конкретного исследовательского проекта в теоретико-методологических рамках исследований неравенства, разработке соответствующих подходов и интерпретации полученных результатов с позиции их вклада в понимание специфики неравенства в современной России.

Объективная конфигурация монетарных неравенств

На первый взгляд, вопросы монетарных неравенств, рассматриваемые в рамках концепций неравенства доходов, богатства или потребления, кажутся более проработанными, а их оценки – более универсальными, чем это характерно для исследований немонетарных неравенств. Однако более подробный анализ показывает, что и относительно монетарного неравенства, его масштабов и динамики наблюдаются разногласия, возникающие вследствие различий в используемых показателях и подходах к его измерению. Первое крупное направление работы в рамках диссертационного исследования было связано с характеристикой доходного неравенства в российском обществе через призму социологического подхода, в котором фокус направлен не на доходы как таковые, а на индивидов, различающихся своим уровнем доходов, и формирующих на этом основании социальные группы, занимающие качественно разные позиции в социальной структуре общества. В ходе работы по этому направлению были рассмотрены общие показатели неравенства доходов и богатства и положение России на фоне других стран мира в соответствии с ними, оценена модель доходной стратификации массовых слоев населения страны, а также получены новые оценки доходной мобильности. Неравенство богатства среди массовых слоев населения в данном случае было сознательно вынесено за скобки, поскольку оно релевантно в основном для анализа только не попадающей в массовые опросы «верхушки», где концентрируется богатство, создавая высокое неравенство даже в рамках небольшой подгруппы (для России именно эта проблема стоит очень остро, выделяя её на

фоне других стран мира, что обусловило отдельный интерес к группе сверхбогатых россиян в рамках диссертационного исследования); что же касается массовых слоев населения, то дифференциация их активов сравнительно невелика и во многом связана с наследием советской эпохи, поскольку наиболее дорогостоящим активом является жилье.

Было показано, что различные подходы к измерению монетарного неравенства по-разному позиционируют Россию на мировой арене. На фоне других стран мира традиционные экономические показатели неравенства доходов в массовых слоях населения (децильный коэффициент, индекс Джини и др.) позиционируют ее как страну с высоким уровнем неравенства по сравнению с европейскими странами, но относительно более низким неравенством сравнительно с иными странами БРИКС, и в целом не экстремальными его показателями. При использовании шкал эквивалентности, корректирующих доходы населения с учётом экономии на масштабе потребления, показатели неравенства для России на международном фоне улучшаются, определяя ее в группу типичных европейских стран. С точки зрения распределения доходов по квинтилям, Россия занимает промежуточные позиции, также опережая большую часть европейских стран, но не страны БРИКС [Мареева, 2020].

Продемонстрировано, что по особенностям конфигурации неравенства в нижней части доходного распределения, в частности – по доле и глубине абсолютной бедности, а также ее динамике, Россия оказывается ближе к европейским странам, чем странам БРИКС и Латинской Америки, характеризуясь отсутствием бедности, связанной с физическим выживанием, и сравнительно неглубоким ее характером [Мареева, 2018d]. Более того, неравенство по доходам, связанное с отрывом бедных от массовых слоев населения в период 2000х-2010х годов сокращалось [Мареева, 2020], хотя состав группы бедных при этом заметно изменился [Tikhonova, Mareeva, 2016]. О небольшом разрыве между бедными и остальным населением, характеризующим доходное неравенство в нижней части распределения говорит и выявленная в ходе работы специфика относительной монетарной линии бедности, которая заключается в том, что она проходит на уровне более высокой доли медианы, чем принято использовать в западных странах [Slobodenyuk, Mareeva, 2020]. Это важно учитывать при проведении международных сопоставлений и практической адаптации зарубежного опыта измерения бедности и неравенств в целях российской социальной политики.

Была проанализирована специфика доходного неравенства и в полярной, верхней части распределения. Верхний квинтиль населения по доходам характеризуется очень высокой дифференциацией, и при переходе от 20% наиболее благополучного по доходам населения к 1–5% позиционирование России на общемировом фоне значительно изменяется: различные оценки сходятся в том, что по отрыву «верхушки» по доходам и по богатству от массовых слоев населения страна выступает одним из мировых лидеров. В целом, особенности конфигурации доходного неравенства демонстрируют, что Россия не является в этом отношении срединным примером, а имеет свою ярко выраженную специфику, связанную с сочетанием относительно невысокого неравенства между нижними и средними слоями и огромным неравенством между «верхушкой» и остальным населением, причём не только в сфере доходов, но и богатства [Мареева, 2020].

Анализ состава и динамики группы сверхбогатых россиян как полярной группы в иерархии монетарного неравенства по богатству показал ее высокую устойчивость - ежегодно группа воспроизводится более чем на 90% – что качественно отличается от неустойчивости

массового благополучия по доходам, о котором будет сказано ниже, и обеспечивает сохранение устойчивого неравенства по богатству. Происходящие в этой группе трансформации в последние два десятилетия, с одной стороны, отражают соответствующие изменения российских реалий - с растущей ролью новых отраслей, снижением роли государственного сектора как «точки старта», концентрацией возможностей в столичных городах, ростом значимости в элитарных слоях населения зарубежного образования, особенно для детей; с другой стороны, устойчивость этой группы обеспечивает инертность ее характеристик и отсутствие качественных изменений в ее составе и портрете – в отличие от раннего периода формирования бизнес-элиты в России в 1990х гг., когда обновление группы было высоким, а тенденции изменения ее портрета – практически полностью противоположными. При этом была подтверждена гипотеза о том, что одним из факторов дифференциации сверхбогатых является период начала их трудовой деятельности (до или после начала активных рыночных реформ в России в 1990-е гг.), однако и сегодня в составе группы доминируют сверхбогатые, начавшие свою деятельность до реформ, в большей степени определяющие ее обобщенный портрет [Mareeva, Slobodenyuk, 2024].

Для комплексного анализа специфики и динамики неравенства в массовых слоях населения российского общества была реализована разработка и апробация модели доходной стратификации¹. В теоретико-методологическом плане существенно, что в ходе этой работы было показано, что в современных российских условиях, которые качественно изменились за последние два десятилетия с точки зрения доходов населения, использование границ, задаваемых наиболее популярными в мире версиями абсолютного подхода, оказывается нецелесообразно, поскольку они не позволяют дифференцировать основную массу населения, относя большинство россиян в состав «среднего класса» по доходам. Еще в 2000 году ситуация в российском обществе качественно отличалась от нынешней, что позволяло эффективно применять этот подход. Сегодня же Россия по характеристикам абсолютных моделей доходной стратификации оказывается ближе к европейским странам, что соотносится и с тем, что демонстрируют традиционные показатели неравенства, о которых говорилось выше. Это определяет неэффективность использования для анализа ситуации в нашей стране абсолютных границ, разрабатывавшихся в основном с прицелом на развивающиеся страны бывшего «третьего мира» [Mareeva, 2018d; Mareeva, Lezhnina, 2019]. В ходе работы было показано, что относительный подход, связанный с использованием медианного дохода как типичного стандарта жизни, оказывается более эффективен при построении модели доходной стратификации для России, чем абсолютный. Кроме того, он позволяет при необходимости проводить корректировки на региональное и поселенческое доходное неравенство, что актуально в российских условиях неравномерного социально-экономического развития разных территорий. Была предложена следующая классификация доходных групп: бедные (доходы ниже 0,5 медианы по населению в целом); уязвимые к бедности (0,5 – 0,75 медиан),

---

¹ Данная работа была проведена научным коллективом с участием автора. Авторский вклад заключался в участии в концептуализации исследования, апробации различных методик доходной стратификации на массивах эмпирических данных, анализе особенностей повседневной жизни и потребления представителей различных доходных страт, анализе динамики модели (как с использованием шкал эквивалентности, так и без них), участии в формулировке итоговых выводов. Результаты работы изложены в коллективной монографии [Тихонова и др., 2018], в которой автором подготовлено две главы [Mareeva, 2018d; Mareeva, 2018e] и введение (в соавторстве).

медианная группа (0,75-1,25 медиан), среднедоходная группа (1,25-2 медиан), высокодоходные (более 2 медиан) [Мареева, 2018d].

С помощью этой модели были рассмотрены особенности доходного неравенства в стране через призму численности, состава, специфики положения и динамики разных доходных групп. Было показано, что в российском обществе сегодня количественно преобладает медианная группа, объединяющая в себе около 40% населения и репрезентирующая типичный уровень доходов всего населения. Ее представители характеризуются скромным стандартом жизни, заданным достаточно низким значением медианы в абсолютном выражении, но превышающим, однако, стандарт выживания. При использовании медианных значений доходов по типам поселений или регионам доминирование в доходной стратификации медианной группы проявляется еще сильнее [Mareeva, Lezhnina, 2019]. Таким образом, общая конфигурация доходного неравенства в массовых слоях населения характеризуется доминированием срединных слоев, а доля низкодоходного населения превышает при этом долю высокодоходных, по массовым меркам, россиян. Это позволяет охарактеризовать российское общество как общество массовых средних слоёв по доходам.

Был реализован анализ особенностей потребительского поведения доходных групп, в том числе и в динамике. Результаты этого анализа показали, что «точки перелома», в которых тенденции преобладания негативных оценок над позитивными меняются на противоположные, проходят для многих потребительских аспектов жизни на уровне медианной и среднедоходной группы. Это свидетельствует о том, что между данными группами и пролегает граница между благополучным и неблагополучным населением в современной России: к первым относятся среднедоходные и высокодоходные россияне (в совокупности составляющие менее 30% населения), ко вторым – бедные, уязвимые (около трети населения) и, в отдельных аспектах, представители медианной группы. При этом в некоторых аспектах жизни медианная группа выходит из границ неблагополучия, занимая скорее промежуточное положение на границе неблагополучного и благополучного населения, что отражает общее состояние скромного и неустойчивого благополучия как типичного для населения современной России [Мареева, 2018e].

Проведенный анализ динамики качества жизни групп, занимающих различное положение в иерархии доходного неравенства, показал, что в периоды экономического роста или стабильности положительные изменения потребительского стандарта затрагивали, прежде всего, медианную по доходам группу россиян. Постепенное повышение потребительского стандарта в отношении товаров длительного пользования (связанное, в том числе, с тем, что свободные средства активно направлялись россиянами именно на их покупку) привело к тому, что имущественные наборы разных доходных групп сблизились и стали различаться в меньшей степени, свидетельствуя о сглаживании неравенства по владению товарами длительного пользования в 2000-е-2010е гг. [Мареева, 2018e].

Анализ динамики численности доходных групп за последние два десятилетия показал заметное увеличение «середины» при сокращении полярных групп – высокодоходных и низкодоходных – иными словами, в этот период происходило «усреднение» доходов массовых слоев населения [Mareeva, 2020]. При использовании шкал эквивалентности эта тенденция оказывается еще заметнее. Расширение срединной зоны в том числе за счет снижения масштабов зоны массового благополучия не отвечает запросам наиболее квалифицированной

и образованной части населения, снижая для них шансы на вертикальную мобильность по доходам.

Наконец, еще одним фокусом анализа в рамках этого направления исследования выступила доходная мобильность. Показатели доходного неравенства, как и модели стратификации по доходам, демонстрируют статическую картинку «разброса» доходов по структурным позициям, не учитывая тот факт, что конкретные индивиды, занимающие эти позиции, могут меняться, поднимаясь выше или опускаясь вниз. Мобильность индивидов между позициями в этом смысле может, с одной стороны, частично компенсировать неравенство, существующее между самими этими позициями, но с другой – означать высокую нестабильность доходов, а следовательно незащищенность и социальную напряженность. Для оценки этого динамического аспекта доходного неравенства было реализовано измерение индивидуальной доходной мобильности в России и проведено сопоставление ее масштабов с характерными для более ранних периодов развития страны и для других стран. Результаты показали, что в российском обществе мобильность по доходам, как и в предыдущие периоды постсоветского развития, остается достаточно высока, что в целом в большей степени свойственно странам, проходящим периоды трансформации. При этом ситуация в российском обществе, как и в других странах, характеризуется наличием «липкого пола» и «липкого потолка» (сравнительно большей устойчивости положения представителей самого нижнего и самого верхнего квинтилей по доходам). Однако в международном контексте (по сравнению с усредненными данными по странам ОЭСР), российское общество отличается более низкими масштабами устойчивого неравенства за счёт более низкой доли населения, не изменяющей свою принадлежность к верхним доходным группам в среднесрочном периоде. Это свидетельствует о нестабильности зоны массового благополучия по доходам в российском обществе [Mareeva, Slobodenyuk, 2023]. Это свидетельствует, в частности, о нестабильности зоны массового благополучия по доходам в российском обществе [Mareeva, Slobodenyuk, 2023]. Высокая мобильность в российском контексте характеризует не столько возможности для всех оказаться в зоне сравнительно высоких доходов на том или ином этапе жизненного цикла, сколько нестабильность и непостоянство даже достаточно скромного уровня доходов у большинства населения. В этих условиях, чтобы оказаться в зоне устойчивого относительно благополучного положения по доходам, достаточно иметь лишь стабильный поток доходов (что отражается, в том числе, в широкой представленности в зоне «липкого потолка» пенсионеров) [Mareeva, Slobodenyuk, 2023]. Наибольшая нестабильность среди наиболее благополучной по доходам группы сказывается на восприятии ими неравенства и еще раз подчеркивает проблематичность ситуации для наиболее квалифицированной и образованной части населения.

Объективная конфигурация немонетарных неравенств

Вторым направлением работы в рамках диссертационного исследования выступило изучение немонетарных измерений неравенства. Как и в случае с доходными неравенствами, одной из задач явилась разработка модели социальной стратификации массовых слоев населения российского общества по основанию их положения в иерархиях немонетарных измерений неравенства. Эта задача была решена в теоретико-методологической рамке анализа

жизненных шансов и рисков россиян². В качестве основных «осей социальных координат» многомерного пространства возможностей и рисков, характеризующих жизнь населения России, были выделены четыре ключевые сферы жизни: сфера экономической безопасности (экономические условия жизни), производственная сфера (ситуация на работе), сфера образования и здоровья (возможности сохранения и наращивания своего человеческого капитала), а также сфера потребления и досуга. Эти оси формируют, по сути, своего рода «скелет» многомерного пространства немонетарных измерений неравенства.

Было выявлено, что по положению в пространстве этих четырех осей массовые слои населения России распадается на три основные страты – верхнюю, положение и самочувствие представителей которой качественно отлично от остальных россиян, а также среднюю и нижнюю страты. Оценки модели стратификации по жизненным шансам и рискам на различных массивах эмпирических данных за разные годы показали, что численность средней страты наиболее высока – в разные периоды и по разным оценкам она объединяет в себе от половины до двух третей россиян, а верхняя страта при этом меньше по численности, чем нижняя – особенно ярко это проявилось после начала коронакризиса [Мареева, Слободенюк 2022а]. Таким образом, модель распределения немонетарных неравенств, как и модель доходной стратификации, демонстрирует, что российское общество оказывается обществом массовых средних слоев. Однако и их доходы, и их качество жизни, измеренное через риски и шансы, достаточно скромны.

Результаты применения других подходов к выделению групп, характеризующихся разным положением в системе немонетарных неравенств – в частности, анализ, основанный на самооценках различных сфер своей жизни населением – также демонстрируют достаточно небольшую численность благополучных групп по сравнению с неблагополучными и занимающими срединное положение [Мареева, 2018с]. Принадлежность к выделенным на основании самооценок различных сторон своей жизни (отражающих положение по различным осям немонетарных неравенств) зонам благополучия или неблагополучия, как и принадлежность к различным стратам по жизненным шансам, во многом определяется не просто нехваткой или же достаточностью доходов, а более широким спектром жизненных обстоятельств, с которыми их представители вынуждены считаться, а также их возможностями самостоятельно справиться с решением проблем различного характера.

В рамках дальнейшей работы над моделью социальной стратификации по жизненным шансам и рискам был проведен комплексный анализ состава и особенностей положения трех страт в ее составе [Мареева, Слободенюк 2022а]. Было показано, что по характеристикам своего положения в многомерной системе координат немонетарных неравенств средняя и нижняя страты оказались ближе между собой, чем верхняя и средняя страты. Иными словами, неравенство в положении представителей верхней страты по отношению к средней выражено ярче, чем неравенство между средней и нижней стратой. При этом депривированность

---

² Данная работа была проведена научным коллективом с участием автора. Авторский вклад заключался в участии в концептуализации исследования, апробации методики стратификации по жизненным шансам и рискам на одном из эмпирических массивов данных, анализе состава страт и динамики модели в последние годы, сопоставлении нижней страты по жизненным шансам и рискам и бедности, выделенной по абсолютному подходу, оценке восприятия неравенства представителями разных страт, участии в формулировке итоговых выводов. Результаты работы изложены в коллективной монографии [Тихонова и др., 2022], в которой автором подготовлено три главы [Мареева, Слободенюк 2022а; Мареева, Слободенюк 2022b; Мареева, 2022d], а также введение (в соавторстве).

большинства представителей нижней страты оказалась не столь глубока. Все это говорит о специфике конфигурации немонетарного неравенства в России, заметно перекликающейся и с его монетарной моделью – неглубоким, но достаточно распространенным неблагополучием, массовой «срединной» зоной, характеризующейся типичными для населения условиями жизни, и оказывающейся по своему положению сравнительно ближе к нижним слоям, чем верхним, и наименьшей по численности зоной благополучия, более заметно отличающейся своим положением от остальных россиян.

Что касается отдельных осей немонетарных неравенств, то анализ динамики ситуации показал, что в последние годы степень цифрового неравенства между различными стратами снижалась, в то время как в сферах сохранения и наращивания своего человеческого капитала неравенство между ними было выражено наиболее ярко. Высоко и неравенство по возможностям досуга и потребления, хотя под влиянием пандемии оно снизилось за счет опережающего ухудшения в этом отношении положения представителей верхней страты.

Отдельный анализ ключевых немонетарных измерений неравенства показал, что в российском обществе они сегодня характеризуются высокой степенью концентрации. Наличие «подушки безопасности», благоприятных условий занятости, хорошего уровня здоровья и образования, а также положительных оценок своего благополучия свойственно лишь меньшинству населения. По всем этим осям сам характер неравенства определяется, прежде всего, качественными отличиями немногочисленной «верхушки» от остальных массовых слоев. Иными словами, положение в системе координат немонетарных неравенств в большей степени дифференцирует наиболее, а не наименее благополучные слои населения по сравнению с остальными россиянами [Мареева, Слободенюк, 2022а]. Однако по некоторым осям эта ситуация со временем меняется. Так, показано, что сегодня иначе выглядит ситуация с цифровым неравенством в его базовом понимании – уже не наличие соответствующих возможностей сконцентрировано в верхних слоях общества, а их отсутствие отличает нижние слои, отражая своего рода «цифровую бедность». Что касается неравенства в сфере занятости, то различия в положении работающих россиян связаны, прежде всего, со степенью ущемления базовых прав и отчуждения труда, т.е. с депривированностью, в то время как наличие дополнительных благ характеризуется высокой доступностью только для меньшинства из них.

В ходе работы был рассмотрен также динамический аспект анализа пространства немонетарных неравенств и реализован анализ устойчивости трех страт, выделенных по жизненным шансам и рискам [Мареева, Слободенюк 2022а]. Его результаты показали, что наиболее неустойчиво положение представителей верхней страты, которая обновляется наиболее активно. Она же характеризуется большей неконсистентностью статусов ее представителей по сравнению с двумя другими стратами. Нижняя страта наиболее устойчива по составу и характеризуется наименьшей степенью обновления. Было также выявлено, что за последние годы сокращение неравенства по жизненным шансам и рискам в массовых слоях населения происходило за счет опережающего ухудшения положения в верхней страте, что сократило ее разрыв со средней. Такой вектор сокращения неравенств идет вразрез с запросами россиян, и ухудшает перспективы для наиболее образованной и квалифицированной части населения. Это также перекликается с ситуацией, характеризующей динамику неравенства в модели доходной стратификации, в которой положение благополучных по доходам групп оказывается неустойчиво.

Сопоставление моделей стратификации, построенных по различным основаниям (по доходам и по жизненным шансам и рискам) демонстрирует, что российское общество оказывается сегодня обществом массовых средних слоев как по доходам, так и по положению в системе немонетарных неравенств. Это означает, что большая часть населения страны оказывается сегодня в очень близких, по сути, условиях жизни – с точки зрения как текущих доходов, так и соотношения доступных возможностей и угрожающих рисков в разных сферах жизни (хотя их конкретный набор может различаться). При этом в обеих моделях средние слои, занимая промежуточное положение между полярными группами, по некоторым параметрам своего положения оказываются ближе к верхним, но чаще — к нижним слоям. Таким образом, общее неравенство в российском обществе сегодня в большей мере детерминировано отличием положения верхних слоев от остального населения.

Схожи эти модели и в том, что зоны неблагополучия оказываются в обоих случаях достаточно распространены и относительно устойчивы, хотя и неглубоки, а зоны массового благополучия характеризуются проблемной ситуацией, поскольку демонстрируют наибольшую неконсистентность и неустойчивость, а также сокращаются в ходе происходящего «усреднения» и расширения срединных групп в том числе и за счет верхних. Такая динамика не ситуационна и не выступает реакцией на внешние шоки последних лет, а является продолжением долгосрочных тенденций. Все это свидетельствует о вызовах для устойчивости и расширения среднего класса в России в его традиционном социологическом понимании, поскольку социальная база формирования его ядра с точки зрения положения в системе монетарных и немонетарных неравенств смещена вверх.

Соотношение монетарных и немонетарных неравенств выглядит в современной России неоднозначно. С одной стороны, между ними прослеживается взаимосвязь, с другой – немонетарные проявления шансов и рисков в различных сферах жизни не сводятся к доходам [Мареева, 2018с; Мареева, Слободенюк 2022а]. В частности, высокие доходы далеко не всегда обеспечивают благополучное положение в системе немонетарных неравенств, а низкие не всегда означают доминирование рисков над возможностями. Более того, несмотря на то, что часть представителей нижней страты, занимающей неблагополучное положение в системе немонетарных неравенств, характеризуется уровнем доходов, который не позволяет формально отнести их к бедным, именно эта группа отличается целым рядом особенностей, позволяющих рассматривать ее в качестве реальных социальных «низов» в общей структуре современного российского общества; помимо этого, пребывание в ней тесно связано и с ощущением субъективной бедности [Мареева, Слободенюк 2022б]. Изучение причин подобных расхождений выступает одним из дальнейших направлений исследований, однако уже можно говорить о том, что они связаны со спецификой расходов и возможностями использования имеющихся доходов в зависимости от наличия других ресурсов, а также с социальным происхождением индивидов и их уровнем образования.

По мере дальнейшей коммерциализации деятельности ряда отраслей и организаций (образования, здравоохранения, культуры и т.д.) можно ожидать усиления взаимосвязи между монетарным и немонетарным измерением неравенства.

Немонетарные измерения неравенства не ограничиваются только теми сферами жизни, которые были использованы для выделения страт по жизненным шансам и рискам. Все более важную роль начинают играть новые оси неравенства, связанные с социально-психологическими характеристиками или социальной сферой жизни (включая социальные

контакты, общение, баланс жизни и труда и др.). Было показано, что неравенство по социально-психологическому благополучию и по возможностям достижения баланса жизни и труда не сглаживает другие монетарные и немонетарные измерения неравенства в жизненных шансах (в частности – относящиеся к экономической сфере жизни), а, наоборот, углубляет их. Это позволяет говорить о том, что в российском обществе доминирующей остается вертикальная стратификация, и те измерения немонетарного неравенства, которые связаны с образом и стилем жизни, накладываются на нее, а не становятся основаниями горизонтальной стратификации [Мареева, 2019]. Достижение баланса жизни и труда в российском обществе сегодня выступает признаком общего благополучного положения в вертикальной иерархии других немонетарных измерений неравенства.

В ходе работы были также рассмотрены возможности достижения тех или иных жизненных целей россиянами, распределение которых среди населения также демонстрирует контуры социально-психологического измерения неравенства. Сфера семейных и дружеских отношений не характеризуется в этом отношении высоким неравенством – цели в ней не только важны для большинства россиян, но и вполне достижимы для большинства, судя по их самооценкам. Более высоким неравенством характеризуются другие сферы – например, сфера производственных отношений, где неоднородность проявляется как в наличии целей, связанных с достижением в ней успехов, в жизненных планах, так и в оценках их достижимости (это переключается с реальным распределением возможностей и рисков в этой сфере, о чем говорилось выше). В отношении целей, связанных с качественным проведением свободного времени, неравенство еще выше. В целом же наибольший потенциал для формирования социального недовольства имеют те аспекты, в которых россияне хотели бы добиться успехов, но не видят для себя эти возможности. В производственной сфере это касается возможностей получить престижную работу и сделать карьеру, в отношении свободного времени – возможностей побывать в разных странах и иметь много свободного времени, в сфере личных целей – возможности стать богатым [Мареева, 2019]. Эти результаты вносят вклад в понимание немонетарного аспекта неравенства, связанного с возможностью создавать для себя ту модель жизни, которая представляется желаемой, и влияющего на общую социальную стабильность в обществе.

В рамках работы с измерениями немонетарного неравенства, связанными с субъективным благополучием, был также проведен анализ субъективной мобильности по шкале «бедность-богатство». В ходе этого анализа было выявлено значительное расхождение субъективной и объективной мобильности по доходам и устойчиво благополучных и неблагополучных в этих координатах групп. Результаты показали, что субъективная мобильность оказывается выше объективной – т.е. субъективная оценка своего положения по шкале бедность-богатство является еще более волатильной, чем объективная принадлежность к доходным группам. Что касается устойчивого неравенства по субъективной оценке своего положения, то феномен «липкого потолка» в этом отношении вообще практически отсутствует, демонстрируя, тем самым, отсутствие в современном российском обществе групп, которые устойчиво высоко оценивают своё положение [Mareeva, Slobodenyuk, 2023]. При этом особенности самооценки своего положения имеют и определённые поведенческие последствия, важные и для устойчивого развития страны в целом – в частности, была показана их дифференцирующая роль с точки зрения инвестиций в человеческий капитал детей, значимых для процессов межгенерационного воспроизводства. Выявленные несовпадения зон

устойчивого благополучия и неблагополучия по доходам, с одной стороны, и по субъективной самооценке с другой, в очередной раз подчеркивает важность анализа неравенства как комплексного феномена, недостаточность рассмотрения лишь монетарного его аспекта и важность его субъективных измерений. Превышение масштабов устойчивого субъективного благополучия над устойчивым субъективным благополучием и высокая волатильность субъективных оценок материального положения, причем даже в периоды относительно стабильного экономического развития, выступают дополнительными характеристиками специфической для российского общества модели немонетарных неравенств.

В фокусе данного диссертационного исследования находились проявления неравенства, а не его основания, однако были также затронуты сюжеты, связанные с такими важными для России основаниями неравенства, как возраст (с акцентом на положение молодежи) и тип поселения. В ходе этой работы было показано, что пространство объективных статусов молодежи, охарактеризованное через положение ее представителей в ключевых иерархиях по уровню образования и профессиональным позициям, не демонстрирует значимых отличий по сравнению с россиянами средних и старших возрастов, и это же характерно для моделей доходной стратификации этих групп. Это позволяет говорить о том, что молодежь не оказывается в этом отношении в ущемленном положении в силу специфики этапа жизненного цикла – наоборот, уже в молодежной группе можно наблюдать сложившуюся конфигурацию социальной структуры, характерную и для россиян трудоспособных возрастов в целом (что отражается, в частности, в схожей доле среднего класса в составе этих групп) [Мареева, 2022а].

Что касается поселенческого неравенства, то при сохранении его объективной значимости в стране, основной тенденцией в 2000е-2010е гг., судя по полученным результатам, стало сближение в глазах населения тех возможностей, которые существуют у жителей различных населенных пунктов, т.е. снижение остроты восприятия поселенческого неравенства. Это способствует и более спокойному восприятию противостояния между Москвой и «не-Москвой» в общественном сознании. С одной стороны, среди россиян и остаётся доминирующим мнение о преимуществе жизни в столицах с точки зрения открывающихся там жизненных возможностей, связанных с достижительными целями, получения желаемых образования и работы, властного ресурса, и в итоге - возможностью формировать более свободный и разнообразный образ жизни. При этом сами жители столиц в большей степени удовлетворены различными аспектами своей жизни и выше оценивают имеющиеся у них возможности, причём не только монетарные. С другой стороны, степень реализации собственных жизненных планов оказывается у столичных жителей ниже, чем у жителей провинций, а жизнь в столицах сопряжена не только с более широким пространством возможностей, но и с большей распространенностью определенных рисков, связанных с немонетарными аспектами жизни, что понимает большинство россиян. Было продемонстрировано, что в столицах начинают формироваться альтернативные модели жизненного успеха, в большей степени связанные с ценностями свободной самореализации и разнообразия в противовес характерным для традиционалистских систем элементам комфортного микромира (семья-друзья-работа, честная и стабильная жизнь), хотя они и не являются пока доминирующими [Мареева, 2018b].

Неравенство в представлениях населения

В ходе работы над первыми двумя направлениями исследования были рассмотрены различные аспекты объективной конфигурации неравенства в современном российском обществе, как монетарного, так и немонетарного характера. Третье направление было посвящено вопросам, связанным с восприятием объективно характеризующего российское общество неравенства в общественном сознании, его факторами и последствиями. Этот анализ был реализован в контексте трактовки отношения населения к неравенству как элемента нормативно-ценностных систем в целом и его взаимосвязи с представлениями о справедливости.

Было показано, что концепция справедливости остается ключевым элементом нормативно-ценностной модели населения, а ее содержательное наполнение тесно связано именно с вопросами неравенства - обеспечением равенства возможностей для всех и дифференциацией доходов, основанной на легитимных с точки зрения населения факторах: эффективности работы, уровне образования и др. Результаты свидетельствуют, что россияне демонстрируют достаточно высокую толерантность к доходным неравенствам как таковым, если они возникают в условиях равных возможностей. Более того, ключевыми для справедливого общества в представлениях населения оказываются принципы, связанные с немонетарными, а не денежными аспектами неравенства – равный доступ к медицине, рынку труда, равенство перед законом [Мареева, 2018a]. Однако нереализованность принципа равных возможностей на практике в совокупности с сокращением возможностей для немонетарного решения ряда повседневных проблем приводит к гиперболизации роли доходного неравенства в современном российском обществе в представлениях населения и запросу на его сокращение. В целом же, наблюдается высокий дисбаланс между реальностью и ожиданиями населения в отношении неравенства, проявляющийся, в том числе, в разрыве между «идеальной» и «реальной» моделями социальной структуры современного российского общества в оценках россиян, что способствует растущему общественному запросу на «выравнивание» и изменение модели социальной структуры общества, направленному на государство.

Были выявлены особенности восприятия бедности в общественном сознании россиян, в том числе в динамике. Показано, что изменения в восприятии бедности россиянами отражают объективные тенденции эволюции феномена бедности в России в период с начала 2000-х годов: сокращение масштабов бедности и изменение ее причин, трансформация в силу этого отношения россиян к бедным (в частности – ее индивидуализация), вытеснение этой проблемы на периферию общественного сознания. В результате россияне сегодня обеспокоены не столько бедностью как таковой, сколько массовостью малообеспеченности, а также – в большей степени - проблемой неравенства в целом, затрагивающей все российское общество [Мареева, Тихонова, 2016]. Ощущение несправедливости неравенства, о котором будет ещё сказано ниже, в большей мере связано с представлениями о факторах благополучия, чем о факторах бедности, в то время как в отношении бедности в последние годы роль нелегитимных факторов в ее формировании в глазах населения скорее снижалась.

В ходе анализа восприятия доходного неравенства было установлено, что в отличие от бедности, эта проблема устойчиво остро воспринимается населением и острота ее не снижается даже в кризисные периоды. Продемонстрировано, что несмотря на трансформацию

доходного неравенства в последние десятилетия, по восприятию доходного неравенства населением ситуация остается схожей с картиной, характерной еще для 1990х годов – качественно иного этапа развития страны с точки зрения уровня доходов, численности бедных и качества жизни. Подавляющее большинство россиян продолжает считать неравенство доходов излишне высоким и несправедливым, а противостояние между богатыми и бедными воспринимаются как наиболее острые среди прочих (причем на первый план выходит разлом между сверхбогатыми и остальными, что демонстрирует отражение объективно высокой концентрации богатства в руках «верхушки» в субъективном восприятии населения). На данных международных сравнительных исследований продемонстрировано, что Россия является одним из лидеров не только по запросам населения на перераспределение денежных доходов, адресованным к государству, но и по уровню недовольства тем, как справляется сегодня государство с этим вызовом [Mareeva et al., 2022].

В ходе оценки дифференциации представлений населения о доходном неравенстве было выявлено, что представления о нем как излишне высоком и несправедливом и связанный с ними высокий запрос на перераспределение качественно не различаются в социально-демографических или социально-экономических группах и являются универсальными для всего населения [Mareeva, 2018a; Mareeva, 2022b].

Отдельное внимание было уделено проверке гипотез восходящей мобильности и «туннельного эффекта» в современной России, которые предполагают наличие взаимосвязи между фактической или ожидаемой социальной мобильностью, с одной стороны, и восприятием неравенства – с другой. Было выявлено, что в современном российском обществе опыт социальной мобильности не приводит к значимой дифференциации мнений в отношении доходного неравенства; слабым влиянием характеризуется и ожидаемая мобильность в среднесрочной перспективе. Относительно заметно «работают» в этом отношении только краткосрочные ожидания, причём в большей степени негативные - они обостряют восприятие доходного неравенства и запрос на перераспределение [Mareeva et al., 2022]. При этом все виды восходящей мобильности сглаживают резкость позиции в отношении оценки неравенств как высоких, несправедливых и требующих сокращения, а нисходящей – повышают абсолютную убежденность в этом, но эти изменения в соотношении крайних и умеренных сторонников той или иной позиции не влияют на общий консенсус населения. Это усложняет ответ на вызовы, связанные с неравенством, со стороны государства, так как показывает, что острота восприятия неравенства населением не будет значимо снижаться даже при сокращении бедности.

В ходе анализа восприятия населением немонетарных неравенств было продемонстрировано, что это восприятие и запросы на их сокращение, также как и в случае с монетарными неравенствами, формируются в большей степени исходя из нормативных представлений населения о «должном» устройстве общества и оценки его соответствия наблюдаемой реальности, чем из особенностей индивидуальной ситуации, в том числе и ожидаемой или фактической мобильности. Объективные страновые особенности неравенства приводят к тому, что опыт или ожидания мобильности также не меняют общих представлений о неприемлемости подобной ситуации, поскольку изменение собственного положения или положения окружающих не влияет на общую конфигурацию сложившейся системы монетарного и немонетарных неравенств.

В ходе исследования был также реализован анализ запросов россиян к содействию государства, необходимому, по их оценкам, в их собственной жизни [Аникин и др., 2019]. Его результаты позволили определить, в каких сферах проявления немонетарного неравенства население хотело бы рассчитывать на помощь со стороны государства, отталкиваясь от специфики своей индивидуальной ситуации, а не общих нормативных представлений о том, какой должна быть роль государства в принципе. Показано, что наиболее распространенный запрос связан с политикой на рынке труда – его основаниями служат продуцирующие неравенство в доступе к хорошим рабочим местам институциональные ограничения, и его предъявляет прежде всего молодежь, испытывающая проблемы в этой сфере. Запрос на содействие в сфере социального инвестирования вытекает из неравенства в уровне здоровья и необходимости решения соответствующих проблем, а не из потребности в накоплении и поддержании других компонентов человеческого потенциала. Запрос на государственное содействие в области социальной поддержки в наибольшей степени формируется под влиянием неравенства в возможностях самостоятельно решить материальные и жилищные вопросы. При этом группы с разными запросами мало дифференцированы по нормативным представлениям о необходимых действиях государства в сфере сокращения немонетарных неравенств, что еще раз подчеркивает важность и универсальность этих представлений как элемента общей нормативно-ценностной системы населения в целом.

Результаты исследования свидетельствуют, что даже объединивший в своем составе наиболее образованных и квалифицированных россиян средний класс (выделенный в социологической традиции на основании неовеберовского многокритериального подхода как собственник человеческого капитала определённого качества) разделяет общие с другими группами населения представления о неравенстве в современном российском обществе, считая его излишне глубоким и нелегитимным. Роль ключевого актора в решении этого вопроса отводится государству, однако его действия в этом отношении представляются недостаточными и неэффективными. Хотя средний класс отличается от остальных групп населения более благополучным объективным положением в системе неравенства (причём как по монетарному, так и по немонетарным его измерениям), сами его представители относят себя к «середине» общества, но отнюдь не к благополучным слоям. Поэтому, говоря о неравенстве, они подразумевают не разрыв между своими позициями и позициями остальных массовых групп населения, а значительный и растущий отрыв малочисленной «верхушки» от остальных россиян, к которым относятся и они сами. Недовольство отсутствием в этой связи действий со стороны государства становится важным вызовом, актуализирующим вопрос о пересмотре негласного общественного договора [Мареева, 2021].

Было установлено, что субъективное восприятие неравенства может выступать фактором, влияющим на поведение на микроуровне, определяющее, в свою очередь, потенциал общества в целом. В ходе работы была проверена гипотеза о влиянии представлений россиян о неравенстве на их поведение в отношении расходов, связанных с человеческим капиталом. На эмпирических данных было показано, что такая взаимосвязь действительно существует, и восприятие неравенств как меритократических приводит к повышению склонности к инвестированию в человеческий капитал взрослых, а как связанных с особенностями институциональной среды – оказывает дестимулирующий эффект на инвестиции в человеческий капитал взрослых россиян [Мареева и др., 2023]. Эта картина, однако, имеет нюансы, связанные со спецификой измерения как инвестиций (важными

оказываются не только денежные расходы, но и временные затраты), так и разных аспектов восприятия неравенства.

Ограничения исследования

Данная работа рассматривает неравенство с точки зрения структурного анализа. Результаты исследования показывают, как выглядит сегодня современное российское общество и его социальная структура через призму неравенства как многомерного феномена. При этом фокус сознательно был сделан на различных проявлениях неравенства, а не его основаниях, в т.ч. не уделяется отдельного внимания оценке их классового или неклассового характера, хотя полученные результаты позволяют внести определенный вклад в понимание и этого вопроса. Еще одно ограничение связано с особенностями доступных для анализа эмпирических массивов данных, не позволивших рассмотреть все те новые формы неравенств, которые заслуживают анализа.

Основные выводы

Полученные в ходе работы по разным направлениям результаты позволяют обрисовать возможности и вызовы для социально-экономической политики в отношении неравенства, которые вытекают из его страновой специфики и связаны не только с объективной его конфигурацией, но и восприятием его населения. Среди ключевых особенностей, определяющих эти вызовы - доминирующая в структуре населения численность срединных по доходам и по качеству жизни слоев населения, характеризующихся при этом достаточно скромным уровнем и качеством жизни и близостью по ряду аспектов к неблагополучным слоям; продолжающаяся тенденция «усреднения»; преобладание доли неблагополучного населения над населением, занимающим благополучное в сравнении со средним стандартом положение; достаточно узкая и ограниченная социальная база формирования среднего класса в его традиционном социологическом понимании, характеризующегося, в том числе, определенным уровнем человеческого капитала; специфика мобильности, характеризующая скорее волатильность положения населения; отсутствие зоны устойчивого массового благополучия при высокой устойчивости и растущей концентрации доходов и богатства в руках минимальной по численности группы, очень далеко отстоящей от массовых слоев населения. С точки зрения субъективного восприятия — это универсальные для всего населения представления о характеризующем страну неравенстве как высоком и нелегитимном, мало варьирующиеся в зависимости от индивидуального положения и опыта мобильности и выступающие элементом общей нормативно-ценностной системы населения.

В ходе исследования были показаны и ресурсы продуктивного использования неравенства с точки зрения восприятия его общественным сознанием, которые пока еще существуют в российском обществе. Так, говоря о равенстве, большинство россиян все-таки имеют в виду равенство возможностей, а не равенство доходов; более того, они допускают достаточно высокую степень доходного неравенства, если оно основано на легитимных основаниях. Запрос к государству предъявляется ими, прежде всего, на равные стартовые условия для всех, определение четких «правил игры» и контроль за их соблюдением. Однако в последнее годы этот потенциал демонстрирует тенденцию к снижению – представления населения в этом отношении размываются, происходит снижение толерантности по всем

основаниям неравенства и рост запроса на «выравнивание» условий жизни. Такие процессы говорят о сокращении возможного потенциала использования легитимного неравенства как продуктивного стимула для конкуренции [Mareeva, 2020].

Таким образом, в ходе проделанной работы было охарактеризовано многомерное пространство неравенства в России в его монетарном и немонетарном измерении: выделены основные оси, показаны масштабы и состав групп, занимающих в нем относительно благополучное и неблагополучное положение. Были получены оценки устойчивости этих групп, показана динамика их численности, выявлены изменения в их составе и характеристиках, происходящие в последние годы. Было показано, как эта объективная картина неравенства отражается в субъективных представлениях россиян, какие факторы влияют на восприятие ими неравенства и какие последствия это может иметь.

Для целей социально-экономической политики важными результатами представляются:

- полученные оценки численности и состава групп, находящихся в неблагополучном положении, и их доминирование по численности над благополучными группами как в срезе доходного неравенства, так и в срезе немонетарных измерений неравенства, а также в субъективных представлениях самих россиян о занимаемом ими положении в обществе;

- выявленные расхождения между моделями общества, построенными в координатах доходного неравенства и неравенства по жизненным шансам и рискам, которые в очередной раз подчеркивают несводимость мер по борьбе и профилактике социального неблагополучия к политике перераспределения доходов;

- выявленное влияние субъективных представлений о неравенстве на решения экономического характера, принимаемые на микроуровне, демонстрирующее важность мониторинга субъективных оценок неравенства (причём не только глубины, но и представлений населения о его основаниях и легитимности);

- выявленные особенности восприятия населением страны справедливости и несправедливости разных измерений неравенств, связанные, прежде всего, с обеспечением равенства возможностей, и задающие общие рамки для формирования общественного договора с государством;

- полученные результаты относительно отсутствия сегодня в российском обществе устойчивой зоны массового благополучия, подчеркивающие необходимость работы со средним классом как отдельным объектом социальной политики и предполагающие разработку мер, связанных с созданием предпосылок для его устойчивого развития.

Дальнейшими направлениями исследования, по которым уже начата работа, выступает анализ рассогласования моделей социальной стратификации, построенных по различным основаниям, в т.ч. выявление факторов расхождения в положении отдельных групп в разных иерархиях неравенства. Также будет продолжена работа по оценке изменений значимости различных измерений неравенства и возникновения новых под влиянием трансформирующегося социально-экономического контекста в стране.

Апробация исследования

Результаты диссертационного исследования были многократно представлены на российских и международных научных конференциях, круглых столах, конгрессах и научных

семинарах, включая Международную апрельскую конференцию по проблемам развития экономики и общества (2015, 2017, 2019, 2020, 2021, 2023), Международную конференция пользователей данными «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (2021, 2023), Российский экономический конгресс (2016, 2020, 2023), SASE Annual conference (2023), Санкт-Петербургскую международную конференцию по неравенству и многообразию (2023), Ежегодную конференцию Александровского института в Хельсинки (2017, 2021), Российско-французскую конференцию по социальным проблемам «Социально-экономическое неравенство и бедность в современном мире: измерения, динамика, перспективы в эпоху неопределенности» (2021), Международную научную конференцию «Факторы социального благополучия в России и в мире: сравнительный анализ» (2021), IV ISA Forum of Sociology (2021), Международную конференцию «Social dynamics. Inequalities, integration, mobility and migration» (2020), Международную научную конференцию «Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (2019), CASS Forum (2019), IARIW Conference «Experiences and Challenges in Measuring Income and Wealth in Eastern Europe and CIS Countries» (2019) и др.

Список публикаций по теме диссертационного исследования

Защита осуществляется по следующим публикациям (основной список)

1. Mareeva S. Socio-economic inequalities in modern Russia and their perception by the population // Journal of Chinese Sociology. 2020. Vol. 7. Article 10.
2. Мареева С.В. Монетарное неравенство в России в социологическом измерении // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 3. С. 78-98.
3. Mareeva S., Slobodenyuk E. A Society of Unstable Well-Being: Income Mobility and Immobility in Russia // Europe-Asia Studies. 2023. Vol. 75. № 9. Pp. 1475-1493.
4. Мареева С. В. Неравенство жизненных шансов россиян в сфере баланса жизни и труда // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 324-344.
5. Мареева С.В. Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // Вестник Института социологии. 2018а. Т. 3. № 26. С. 101-120.
6. Mareeva S., Slobodenyuk E., Anikin V. Support for reducing inequality in the new Russia: Does social mobility matter? // Intersections. East European Journal of Society and Politics. 2022. Vol. 8. No. 2. P. 175-196.
7. Мареева С.В., Каравай А.В., Слободенюк Е.Д. Представления о неравенстве как фактор инвестиций в человеческий капитал (опыт эмпирического анализа) // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 16-28.

Другие публикации автора, представленные к защите

8. Мареева С. В. Представления среднего класса о неравенствах на фоне других россиян: консенсус или раскол? // Социологические исследования. 2021. Т. 47. № 1. С. 38-49.
9. Slobodenyuk E., Mareeva S. Relative Poverty in Russia: Evidence from Different Thresholds // Social Indicators Research. 2020. Vol. 151. No. 1. P. 135-153.
10. Mareeva S., Slobodenyuk E. Super-Rich in Modern Russia: Who Are They and Are They Changing? // Russian Politics. 2024. Vol. 9. № 2 (in print).

11. Аникин В. А., Лежнина Ю. П., Мареева С. В., Слободенюк Е. Д. Запросы россиян на содействие государства: социальное инвестирование или социальная поддержка? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 345-366.
12. Мареева С.В. Социальный статус российской молодёжи: представления и реальность // Вестник Института социологии. 2022а. №2. С. 158-183.
13. Мареева С.В. Жизненные шансы жителей столиц и провинций в массовом сознании // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018b. № 6. С. 365-385.
14. Мареева С.В. Зоны субъективного благополучия и неблагополучия в российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018с. Т. 18. № 4. С. 695-707.
15. Mareeva S., Lezhnina Y. Income Stratification in Russia: What do Different Approaches Demonstrate? // Studies of Transition States and Societies. 2019. Vol. 11. No. 2. P. 23-46.
16. Мареева С.В., Тихонова Н.Е. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России: Социология, этнология. 2016. Т. 25. № 2. С. 37-67.
17. Tikhonova N., Mareeva S. Poverty in Contemporary Russian Society: Formation of a New Periphery // Russian Politics. 2016. Vol. 1. No. 2. P. 159-183.

Другие публикации - главы в монографиях

18. Мареева С.В., Слободенюк Е.Д. Модель стратификации российского общества по жизненным шансам и рискам: особенности, динамика, межгрупповая мобильность // Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / под ред. Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь Мир, 2022а.
19. Мареева С.В., Слободенюк Е.Д. Соотношение негативной привилегированности и бедности // Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / под ред. Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь Мир, 2022b.
20. Мареева С.В. Восприятие социальной структуры и социальных неравенств в современном российском обществе представителями разных страт // Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / под ред. Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь Мир, 2022b.
21. Мареева С.В. Выделение гомогенных доходных групп: вопросы методики // Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под общ. ред. Н.Е. Тихоновой. Издательство Нестор-История, 2018d.
22. Мареева С.В. Особенности жизни и потребления представителей различных доходных групп // Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под общ. ред. Н.Е. Тихоновой. Издательство Нестор-История, 2018e.

Список использованной литературы

1. Авраамова Е. М., Малева Т. М. Эволюция российского среднего класса: миссии и методология // *Общественные науки и современность*. 2014. № 4. С. 5–17.
2. Агафонов Ю. Г., Лепеле В. Р. «Золотые двери» в российскую бизнес-элиту: рекрутирование и изменение структуры крупного предпринимательства в постсоветской России // *Мир России. Социология. Этнология*. 2016. Т. 25. № 3. С. 97–125.
3. Андреевкова А. В. Представления о справедливости и экономическом неравенстве в сравнительном межстрановом контексте // *Общественные науки и современность*. 2017. №5. С. 18-30.
4. Аникин В. А., Тихонова Н. Е. Бедность и неравенство в странах БРИКС: российская специфика // *Общество и экономика*. 2016. № 1. С. 78–144.
5. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
6. Беляева Л. А. И вновь о среднем классе России // *Социологические исследования*. 2007. №5. С. 3-13.
7. Воронин Г. Л., Захаров В. Я., Козырева П. М. Измерение устойчивости домохозяйств: 1994-2017 гг. // *Социологический журнал*. 2020. Т. 26. № 1. С. 55-86.
8. Гимпельсон В. Е., Монусова Г. А. Восприятие неравенства и социальная мобильность // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2014. Т. 18. № 2. С. 216–248.
9. Григорьев Л., Салмина А., Кузина О. Российский средний класс: анализ структуры и финансового поведения. М.: Экон-Информ, 2009.
10. Данилова Е. Н. Периоды изменений в социальной политике и представлениях о социальной справедливости в России // *Социологическая наука и социальная практика*. 2015. Т.10. № 2. С. 18-50.
11. Зубаревич Н. В. Бедность в российских регионах в 2000-2017 гг.: факторы и динамика // *Население и экономика*. 2019. Т. 3. № 1. С. 63–74.
12. Ибрагимов З. Ф., Франц М. В. Неравенство возможностей в Российской Федерации: измерение и оценка на микроданных // *Прикладная эконометрика*. 2019. Т. 54. №2. С. 5-25.
13. Капельюшников Р. И. Неравенство: как не примитивизировать проблему // *Вопросы экономики*. 2017. № 4. С. 117–139.
14. Карабчук Т. С., Пашинова Т. Р., Соболева Н. Э. Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // *Мир России. Социология. Этнология*. 2013. Т. 22. № 1. С. 155–175.
15. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: Litres, 2022.
16. Козырева П. М., Смирнов А. И. Масштабы и динамика социально-экономического неравенства в современной России // *Россия реформирующаяся: ежегодник* / Под. ред. М. К. Горшкова. Вып. 16. М. : Новый хронограф, 2018. С. 290-318.
17. Коленникова Н. Д. Статусная консистентность занятого населения в современной России // *Социологические исследования*. 2019. № 11. С. 52-62.
18. Косова Л. Б. В каком обществе мы живем? Анализ факторов, определяющих массовый выбор, на примере восприятия социальной структуры // *Вестник общественного мнения*. 2016. Т. 3–4. № 122. С. 43–52.
19. Крыштановская О. В. Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия // *Мир России*. 2002. Т. 11. № 4. С. 3-60.
20. Малева Т. М., Бурдяк А. Я., Тындык А. О. Средние классы на различных этапах жизненного пути // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2015. Т. 3. № 27. С. 109–138.
21. Малева Т. М., Гришина Е. Е., Цацура Е. А. Социальная политика в долгосрочной перспективе: многомерная бедность и эффективная адресность. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.
22. Малева Т. М., Карцева М. А., Кузнецова П. О. Неравенство возможностей в российских регионах: объективные оценки и особенности восприятия населением // *Экономика*

- региона. 2022. Т. 18. № 3. С. 673-686.
23. Миланович Б. Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.
  24. Овчарова Л. Н. Бедность в России // Мир России. Социология. Этнология. 2001. Т. 10. № 1. С. 171–178.
  25. Овчарова Л. Н. Бедность и экономический рост в России // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6. № 4. С. 439–456.
  26. Овчарова Л. Н., Попова Д. О., Рудберг А. М. Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России. // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. Т. 3. № 31. С. 170–185.
  27. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем, 2015.
  28. Пишняк А. И. Динамика численности и мобильность среднего класса в России в 2000-2017 гг. // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Т. 29. № 4. С. 57–84.
  29. Пишняк А.И., Халина Н.В., Назарбаева Е.А., Горяйнова А.Р. Уровень и профиль хронической бедности в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 2. С. 56–73.
  30. Римский В. Л. Справедливость в современной России: мечты и использование в социальных практиках // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 27-36.
  31. Саблина С. Г. Кристаллизация статуса средних слоев в современной России // Социологический журнал. 2000. № 1–2. С. 100–111.
  32. Слободенюк Е. Д., Аникин В. А. Где пролегает «черта бедности» в России // Вопросы экономики. 2018. № 1. С. 104–127.
  33. Соколов М. М., Соколова Н. А. Среды, а не классы: паттерны горизонтальной стратификации в современной городской России // Экономическая социология. 2020. Т. 21. № 4. С. 12–29.
  34. Социальная мобильность в России: поколенческий аспект / отв. ред. В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, А. В. Ваньке. М.: Институт социологии РАН, 2017.
  35. Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты / отв. ред. В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, П. Е. Сушко. М.: ФНИСЦ РАН, 2019
  36. Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии / Отв. ред. Т.М. Малева. М.: Гендальф, 2003.
  37. Средний класс в современной России / отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М.: Институт социологии РАН, 2008.
  38. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015.
  39. Стиглиц Дж., Сен А., Фитусси Ж. П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла. Доклад Комиссии по измерению эффективности экономического и социального прогресса. М.: Издательство Института Гайдара, 2016.
  40. Тихонова Н. Е. Средний класс в фокусе экономического и социологического подходов: границы и внутренняя структура (на примере России) // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Т. 29. № 4. С. 34–56.
  41. Тихонова Н. Е., Слободенюк Е. Д. Бедность российских профессионалов: распространенность, причины, тенденции // Мир России. Социология. Этнология. 2022. Т. 31. № 1. С. 113–137.
  42. Тихонова Н. Е., Слободенюк Е. Д. Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 36–49.
  43. Тихонова Н.Е., Лежнина Ю.П., Мареева С.В., Аникин В.А., Каравай А.В., Слободенюк Е.Д. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / ред. Н. Е. Тихонова. М.: Нестор-История, 2018.
  44. Тихонова Н.Е., Мареева С.В. Средний класс: теория и реальность. М.: Альфа-М, 2009.
  45. Тихонова Н.Е., Мареева С.В., Аникин В.А., Лежнина Ю.П., Каравай А.В., Слободенюк

- Е.Д. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / ред. Н.Е. Тихонова. М.: Весь мир, 2022.
46. Хахулина Л. А. Субъективный средний класс: социологический анализ // Уровень жизни населения регионов России. 2008. № 11–12. С. 115–119.
  47. Шкаратан О. И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009.
  48. Шкаратан О. И., Ястребов Г. А. Выделение реальных (гомогенных) социальных групп в российском обществе: методы и результаты // Прикладная эконометрика. 2007. № 3. С. 95–118.
  49. Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012.
  50. Штомпка П. Справедливость / пер. с пол. А.А. Зотов. Гл. из кн.: *Fundamenty dobrego społeczeństwa. Wartości* / pod red. Małgorzaty Boguni-Borowskiej. Kraków : Znak, 2015. P. 232—250. // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 381–399.
  51. Ястребов Г. А. Социальная мобильность в постсоветской России: новый взгляд на проблему (с использованием продвинутых методов анализа) // Экономическая социология. 2014. Т. 15. № 2. С. 127–136.
  52. Ястребов Г. А. Социальная мобильность в советской и постсоветской России: новые количественные оценки по материалам представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг. Часть II // Мир России. Социология. Этнология. 2016. Т. 25. № 2. С. 6–36.
  53. Abanokova K., Dang H.-A. Poverty in Russia: a bird's-eye view of trends and dynamics in the past quarter of century. IZA Discussion Papers. 2021.
  54. Aiyar S., Ebeke C. Inequality of opportunity, inequality of income and economic growth // World Development. 2020. Vol. 136. Pp. 105-115.
  55. Alesina A., La Ferrara E. Preferences for redistribution in the land of opportunities // Journal of Public Economics. 2005. Vol. 89. № 5. Pp. 897–931.
  56. Alesina A., Perotti R. Income distribution, political instability, and investment // European Economic Review. 1996. Vol. 40. № 6. Pp. 1203–1228.
  57. Atkinson A. Inequality: What can be done? London: Harvard University Press, 2015.
  58. Atkinson A., Brandolini A. On the identification of the "middle class". ECINEQ, Society for the Study of Economic Inequality. 2011.
  59. Bak H., Yi Y. When the American dream fails: The effect of perceived economic inequality on present-oriented behavior // Psychology & Marketing. 2020. Vol. 37. № 10. Pp. 1321–1341.
  60. Barro R. J. Inequality and growth in a panel of countries // Journal of Economic Growth. 2000. Vol. 5. № 1. Pp. 5–32.
  61. Benabou R., Ok E.A. Social mobility and the demand for redistribution: The POUM hypothesis // The Quarterly Journal of Economics. 2001. Vol. 116. № 2. Pp. 447–487.
  62. Birdsall N., Graham C., Pettinato S. Stuck in the tunnel: Is globalization muddling the middle class? LIS Working Paper Series No. 277. 2000.
  63. Blau P. M. Inequality and heterogeneity: A primitive theory of social structure. Free Press New York, 1977.
  64. Bogomolova T. Y., Tapilina V. S. Income mobility in Russia in the mid-1990s. Economic Education and Research Consortium Russian Economic Research Program Working Paper No. 99/11. 1999.
  65. Boston consulting group. Global Wealth 2021: When clients take the lead. 2021.
  66. Braguinsky S. Postcommunist oligarchs in Russia: quantitative analysis // Journal of Law and Economics. 2009. Vol. 52. № 2. Pp. 307–349.
  67. Bussolo M., Ferrer-i-Carbonell A., Giolbas A., Torre, I. I perceive therefore I demand: the formation of inequality perceptions and demand for redistribution // Review of Income and Wealth. 2021. Vol. 67. Pp. 835-871.
  68. Capgemini research group. The World Wealth Report 2022. 2022.

69. Chambers J., Swan L., Heesacker M. Better off than we know: distorted perceptions of incomes and income inequality in America // *Psychological Science*. 2014. Vol. 25. №. 2. Pp. 613-618.
70. Chauvel L. Welfare regimes, cohorts, and the middle classes. In: *Income Inequality: Economic Disparities and the Middle Class in Affluent Countries*. CA, 2013.
71. Chen S., Ravallion M. Absolute poverty measures for the developing world, 1981–2004 // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2007. Vol. 104. № 43. Pp. 16757–16762.
72. Chen S., Ravallion M. The developing world is poorer than we thought, but no less successful in the fight against poverty // *The Quarterly Journal of Economics*. 2010. Vol. 125. № 4. Pp. 1577–1625.
73. Cojocaru A. Prospects of upward mobility and preferences for redistribution: Evidence from the Life in transition survey // *European Journal of Political Economy*. 2014. Vol. 34. Pp. 300–314.
74. Colasanto D., Kapteyn A., Van der Gaag J. Two subjective definitions of poverty: Results from the Wisconsin basic needs study // *The Journal of Human Resources*. 1984. Vol. 19. № 1. Pp. 127–138.
75. Credit Suisse. *Global Wealth Report*. Switzerland: Credit Suisse, 2022.
76. Dahrendorf R. *Life chances: approaches to social and political theory*. Weidenfeld and Nicolson, 1979.
77. Dallinger U. The endangered middle class? A comparative analysis of the role played by income redistribution // *Journal of European Social Policy*. 2013. Vol. 23. № 1. Pp. 83–101.
78. Dang H.-A. H., Lokshin M., Abanokova K., Bussolo M. Welfare dynamics and inequality in the Russian Federation during 1994–2015 // *The European Journal of Development Research*. 2020. Vol. 32. № 4. Pp. 812–846.
79. Deininger K., Squire L. New ways of looking at old issues: inequality and growth // *Journal of Development Economics*. 1998. Vol. 57. № 2. Pp. 259–287.
80. Duncan G. J., Yeung W.J., Brooks-Gunn J., Smith J. How much does childhood poverty affect the life chances of children? // *American sociological review*. 1998. Vol. 63. №3. Pp. 406–423.
81. Easterly W. The middle-class consensus and economic development // *Journal of economic growth*. 2001. Vol. 6. № 4. Pp. 317–335.
82. EBRD. *Transition Report 2016–2017. Transition for all: Equal opportunities in an unequal world*. 2017.
83. Eitzen D. S., Zinn M. B. *The reshaping of America: Social consequences of the changing economy*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1989.
84. Engelhardt C., Wagener A. Biased perceptions of income inequality and redistribution. CESifo Working Paper Series No. 4838. 2014.
85. Erikson R., Goldthorpe J. H. *The constant flux: A study of class mobility in industrial societies*. Oxford University Press, 1992.
86. Fields G. S., Ok E. A. Measuring movement of incomes // *Economica*. 1999. Vol. 66. № 264. Pp. 455–471.
87. Forbes K. J. A Reassessment of the relationship between inequality and growth // *American Economic Review*. 2000. Vol. 90. № 4. Pp. 869–887.
88. Foster J. E. Absolute versus relative poverty // *The American economic review*. 1998. Vol. 88. № 2. Pp. 335–341.
89. Galor O., Moav O. From physical to human capital accumulation: Inequality and the process of development // *Review of Economic Studies*. 2004. № 71. Pp. 1001–1026.
90. Garroway C., De Laiglesia J. R. On the relevance of relative poverty for developing countries. OECD Development Centre Working Papers No. 314. Paris: OECD Publishing, 2012.
91. Gerber T. P., Hout M. Tightening up: Declining class mobility during Russia's market transition // *American Sociological Review*. 2004. Vol. 69. № 5. Pp. 677–703.
92. Giddens A. *The class structure of the advanced societies*. London: Hutchinson, 1973.
93. Gimpelson V., Treisman D. Misperceiving inequality // *Economics and Politics*. 2018. Vol. 30. Pp. 27–54.

94. Goedhart T., Halberstadt V., Kapteyn A., Van Praag B. The poverty line: concept and measurement // *Journal of human resources*. 1977. Pp. 503–520.
95. Goldthorpe J. H. Social class and the differentiation of employment contracts // *On Sociology: Numbers, Narratives and the Integration of Research and Theory*. Oxford University Press, 2000.
96. Goldthorpe J. H., Llewellyn C., Payne C. Social mobility and class structure in modern Britain. Clarendon Press Oxford, 1980.
97. Graham C., Pettinato S. Frustrated achievers: Winners, losers and subjective well-being in new market economies // *Journal of Development Studies*. 2002. Vol. 38. № 4. Pp. 100–140.
98. Grusky D. The stories about inequality that we love to tell // *The Inequality Reader. Contemporary and Foundational Readings in Race, Class, and Gender*. Westview Press., 2011. Pp. 1–13.
99. Grusky D., Weeden K. Decomposition without death: A research agenda for a new class analysis // *Acta Sociologica*. 2001. Vol. 44. № 3. Pp. 203–218.
100. Guriev S., Rachinsky A. The role of oligarchs in Russian capitalism // *The Journal of Economic Perspectives*. 2005. Vol. 19. № 1. Pp. 131–150.
101. Hadler M. Why do people accept different income ratios? A multi-level comparison of thirty countries // *Acta Sociologica*. 2005. Vol. 48. № 2. Pp. 131–154.
102. Hardoon D., Ayele S., Fuentes-Nieva R. An economy for the 1%. How privilege and power in the economy drive extreme inequality and how this can be stopped. Oxfam Briefing Paper. 2016.
103. Hauser O. P., Norton M. I. (Mis)perceptions of inequality // *Current Opinion in Psychology*. 2017. Vol. 18. Pp. 21–25.
104. Hirschman A. O., Rothschild M. The changing tolerance for income inequality in the course of economic development // *The Quarterly Journal of Economics*. 1973. Vol. 87. № 4. Pp. 544–566.
105. Hjellbrekke J., Le Roux B., Korsnes O., Lebaron F., Rosenlund L., Rouanet H. The Norwegian field of power anno 2000 // *European Societies*. 2007. Vol. 9. № 2. Pp. 245–273.
106. Jäntti M., Jenkins S.P. Income mobility // *Handbook of income distribution*. Vol. 2. Elsevier, 2015. Pp. 807–935.
107. Jovanovic B. Russian roller coaster: expenditure inequality and instability in Russia, 1994–98 // *Review of Income and Wealth*. 2001. Vol. 47. № 2. Pp. 251–271.
108. Kelley J., Zagorski K. Economic change and the legitimation of inequality: The transition from socialism to the free market in Central-East Europe // *Research in Social Stratification and Mobility*. 2004. Vol. 22. Pp. 319–364.
109. Kharas H. The emerging middle class in developing countries. Paris: OECD Publishing, 2010.
110. Knell M., Stix H. Perceptions of inequality // *European Journal of Political Economy*. 2020. Vol. 65. Pp. 101927.
111. Kuhn A. The individual (mis-)perception of wage inequality: measurement, correlates and implications // *Empirical Economics*. 2020. Vol. 59. № 5. Pp. 2039–2069.
112. Kuusela H. Learning to own: Cross-generational meanings of wealth and class-making in wealthy Finnish families // *The Sociological Review*. 2018. Vol. 66. № 6. Pp. 1161–1176.
113. Larsen C. A. How three narratives of modernity justify economic inequality // *Acta Sociologica*. 2016. Vol. 59. № 2. Pp. 93–111.
114. Loveless M. The deterioration of democratic political culture: Consequences of the perception of inequality // *Social Justice Research*. 2013. Vol. 26. № 4. Pp. 471–491.
115. Lu P. The Horatio Alger myth in China: Origins of the first generation of visibly richest Chinese private entrepreneurs // *China: An International Journal*. 2017. Vol. 15. Pp. 75–97.
116. Lu P., Fan X., Fu F. Profile of the super rich in China: A social space analysis // *The British Journal of Sociology*. 2021. Vol. 72. № 3. Pp. 543–565.
117. Lukiyanova A., Oshchepkov A. Income mobility in Russia (2000–2005) // *Economic Systems*. 2012. Vol. 36. № 1. Pp. 46–64.

118. Mack J., Lansley S. *Poor Britain*. Allen & Unwin London, 1985.
119. Mayer S. *What money can't buy: Family income and children's life chances*. Harvard University Press, 1997.
120. Milanovic B., Yitzhaki S. Decomposing world income distribution: Does the world have a middle class? // *Review of Income and Wealth*. 2002. Vol. 48. № 2. Pp. 155–178.
121. Neumayer E. The super-rich in global perspective: a quantitative analysis of the Forbes list of billionaires // *Applied Economics Letters*. 2004.
122. Niehues J. Subjective perceptions of inequality and redistributive preferences: An international comparison. Cologne Institute for Economic Research. IW-TRENDS Discussion Paper. 2014. Vol. 2. №1.
123. Nolan B., Whelan C. T. *Poverty and deprivation in Europe*. Oxford University Press, 2011.
124. Norton M. I., Ariely D. Building a better America — one wealth quintile at a time // *Perspectives on psychological science*. 2011. Vol. 6. № 1. Pp. 9–12.
125. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to oligarchs: inequality and property in Russia 1905-2016 // *Journal of Economic Inequality*. 2018. Vol. 16. № 2. Pp. 189–223.
126. Nussbaum M. Capabilities and social justice // *International Studies Review*. 2002. Vol. 4. № 2. Pp. 123–135.
127. OECD. *A broken social elevator? How to promote social mobility*. OECD Publishing, 2018.
128. OECD. *Under pressure: The squeezed middle class*. Paris: OECD Publishing, 2019.
129. Persson T., Tabellini G. Is inequality harmful for growth? // *The American Economic Review*. 1994. Vol. 84. № 3. Pp. 600–621.
130. Ravallion M. The developing world's bulging (but vulnerable) middle class // *World Development*. 2010. Vol. 38. № 4. Pp. 445–454.
131. Ravallion M., Chen S. Weakly relative poverty // *Review of economics and statistics*. 2011. Vol. 93. № 4. Pp. 1251–1261.
132. Ravallion M., Datt G., Van de Walle D. Quantifying absolute poverty in the developing world // *Review of Income and wealth*. 1991. Vol. 37. № 4. Pp. 345–361.
133. Ravallion M., Lokshin M. Who wants to redistribute? The tunnel effect in 1990s Russia // *Journal of Public Economics*. 2000. Vol. 76. № 1. Pp. 87–104.
134. Roex K., Huijts T., Sieben I. Attitudes towards income inequality: 'Winners' versus 'losers' of the perceived meritocracy // *Acta sociologica*. 2019. Vol. 62. № 1. Pp. 47–63.
135. Rowntree B.S. *Poverty: A study of town life*. Macmillan, 1901.
136. Savage M., Devine, F., Cunningham N., Taylor M., Li Y., Hjellbrekke J., Le Roux B., Friedman S., Miles A. A new model of social class? Findings from the BBC's Great British Class Survey experiment // *Sociology*. 2013. Vol. 47. № 2. Pp. 219–250.
137. Savage M., Hjellbrekke J. The sociology of elites: a European stocktaking and call for collaboration. LSE International Inequalities Institute Working Paper No 58. 2021.
138. Schimpfössl E. *Rich Russians: From oligarchs to bourgeoisie*. Oxford University Press. 2018.
139. Sen A. *Equality of what? Tanner lectures on human values*, Vol. 1. Cambridge University Press, 1980.
140. Shorrocks A. Income inequality and income mobility // *Journal of Economic Theory*. 1978. Vol. 19. № 2. Pp. 376–393.
141. Sorensen A. Toward a sounder basis for class analysis // *American Journal of Sociology*. 2000. Vol. 105. № 6. Pp. 1523–1558.
142. Sprong S. et al. "Our country needs a strong leader right now": Economic inequality enhances the wish for a strong leader // *Psychological science*. 2019. Vol. 30. № 11. Pp. 1625–1637.
143. Townsend P. *Poverty in the United Kingdom: A survey of household resources and standards of living*. University of California Press, 1979.
144. Townsend P. The meaning of poverty // *The British Journal of Sociology*. 1962. Vol. 13. № 3. Pp. 210–227.
145. Treisman D. Russia's billionaires // *American Economic Review*. 2016. Vol. 106. № 5. Pp. 236–241.

146. Van der Weide R., Milanovic B. Inequality is bad for growth of the poor (but not for that of the rich). World Bank Policy Research Working Paper No.6963. 2014.
147. Voitchovsky S. Does the profile of income inequality matter for economic growth? Distinguishing between the effects of inequality in different parts of the income distribution // Journal of Economic Growth. 2005. Vol. 10. № 3. Pp. 273–296.
148. Waldfogel J. Social mobility, life chances, and the early years // LSE STICERD Research Paper No. CASE088. 2004.
149. Weber M. Economy and society: An outline of interpretive sociology. University of California press, 1978.
150. Weisstanner D., Armingeon K. Redistributive preferences: Why actual income is ultimately more important than perceived income // Journal of European Social Policy. 2022. Vol. 32. № 2. Pp. 135–147.
151. Wilkinson R., Pickett K. The spirit level: Why equality is better for everyone. Penguin UK, 2010.
152. World Bank. Poverty and shared prosperity 2016: Taking on inequality. Washington, DC: World Bank, 2016.
153. World Bank. Poverty and shared prosperity 2020: Reversals of fortune. Washington, DC: World Bank, 2020.
154. World Bank. Russia economic report: Confidence crisis exposes economic weakness. №31. Washington, DC: World Bank, 2014.
155. World Bank. Russia economic report: The dawn of a new economic era? №33. Washington, DC: World Bank, 2015.
156. Wright E. O. Approaches to class analysis. Cambridge University Press, 2005.
157. Wright E. O. Class counts: Comparative studies in class analysis. Cambridge University Press, 1997.
158. Wright E. O. Understanding class: Towards an integrated analytical approach // New left review. 2009. Vol. 60. № 1. Pp. 101–116.